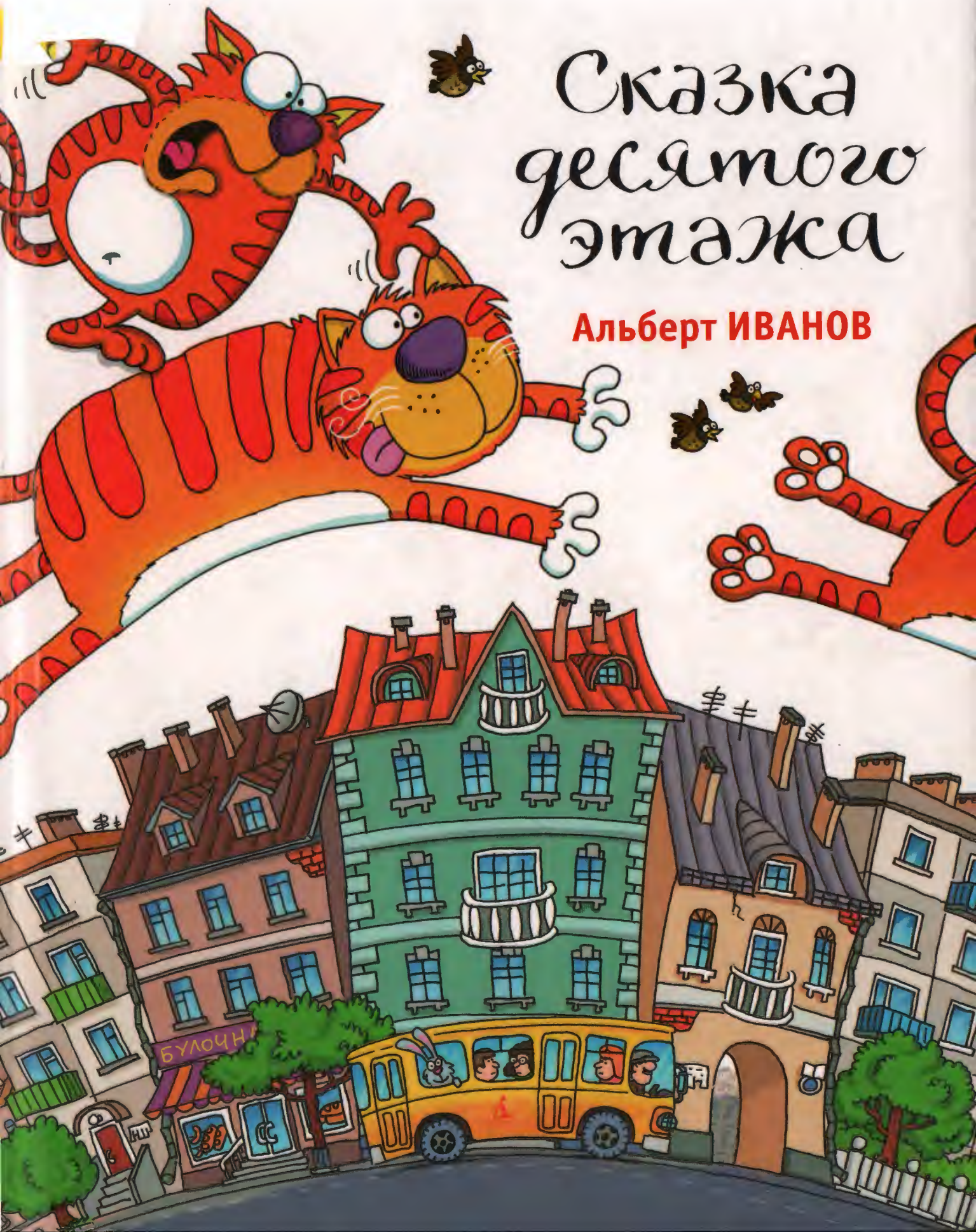

Сказка десятого этажа

Альберт ИВАНОВ

Альберт Иванов — замечательный детский писатель.

Мультфильмы по его произведениям входят
в золотой фонд российской кинематографии.

Мальчики и девочки, а также их родители
с удовольствием читают истории про Хому и Суслика,
про Хитрую Ворону и смотрят любимые
мультфильмы: «Приключения Хомы»,
«Раз—горох, два—горох», «Крылья, ноги и хвосты»,
«Сказка десятого этажа».

Настоящий сказочник знает, где живут
интересные и удивительные сказки.
Если хорошенько прислушаться, Сафьяновые
Тапочки расскажут о приключениях
прекрасной принцессы.

А если вежливо попросить Льва в зоопарке,
можно узнать о Великом походе за мороженым.

Ну а самые-самые сказки Альберт Иванов
нашёл на десятом этаже одного
удивительного дома.

Моей внучке Диане
посвящается

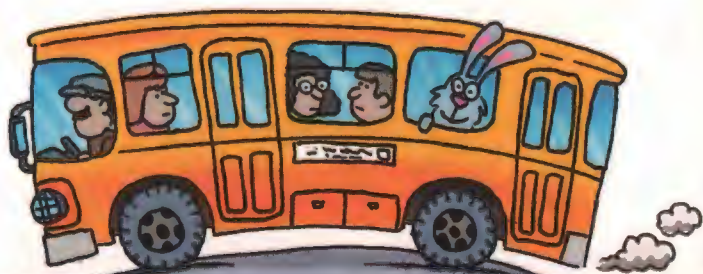
Альберт ИВАНОВ

Сказка десятого этажа

Художник Александр Голубев

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6
И20

Иллюстрации *Александра Голубева*
Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

Иванов А. А.

И20 Сказка десятого этажа : Рассказы. — СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 88 с. : ил. — (Очень прикольная книга).

ISBN 978-5-9985-1181-3

Альберт Иванов — замечательный детский писатель. Мультфильмы по его произведениям входят в золотой фонд российской кинематографии. Мальчики и девочки, а также их родители с удовольствием читают истории про Хому и Суслика, про Хитрую Ворону и смотрят любимые мультфильмы: «Приключения Хомя», «Раз-горох, два-горох», «Крылья, ноги и хвосты», «Сказка десятого этажа».

Настоящий сказочник знает, где живут интересные и удивительные сказки. Если хорошенько прислушаться, Сафьяновые Тапочки расскажут о приключениях прекрасной принцессы. А если вежливо попросить Льва в зоопарке, можно узнать о Великом походе за мороженым. Ну а самые-самые сказки Альберт Иванов нашёл на десятом этаже одного удивительного дома.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9985-1181-3

© А. Иванов, 2010
© А. Голубев, иллюстрации, 2010
© Издательская Группа
«Азбука-классика», 2010

Моей внучке Диане
посвящается

Сказка десятого этажа

Мальчик в больших очках сидел за письменным столом и сосредоточенно ремонтировал игрушечную машину — открытый заводной вездеход. Поглядывая на схему, он ловко орудовал отвёрткой.

Перед ним на стене среди фотографий гоночных автомобилей и ракет выделялся плакат Аэрофлота: длинные острия пальмовых листьев указывали в небе международные маршруты авиалиний, а под пальмой лежал огромный крокодил и глазел вверх на белый реактивный самолёт.

Вокруг Мальчика по всему полу, взмывая на эстакады, с треском носились заводные машины. А на экране телевизора лихо гоняли мотоциклисты.

За окном на подоконнике суматошно чирикали по-весеннему бархатно-серые воробьи.

Покосившись на птиц, Мальчик шагнул к окну и резко захлопнул форточку — птицы улетели, надоедливое чириканье исчезло.

Вернувшись к столу, Мальчик тщательно прикрепил на вездеходе мигалку, а затем сгрёб в коробку автонабора «Сделай сам» оставшиеся ненужные детали.

Да, серьёзный он был человек.

С важным учёным видом Мальчик, в куртке на молниях и с большим ранцем за плечами, вышел из квартиры.

Деловито надавил кнопку лифта. Донёсся гул поднимающейся кабины.

Створки дверей лифта, с цифрой «9», раздвинулись, он вошёл внутрь и нажал кнопку первого этажа. Кабина поехала вниз. И вдруг, скрежетнув, застряла между этажами.

Он нажал на кнопку «Вызов диспетчера». Казённый голос пробубнил что-то невнятное.

Мальчик начал нажимать разные кнопки. На панели было десять этажных кнопок, и самая верхняя, десятая, — перечёркнута белой краской, потому что дом был девятиэтажный.

Кабина наконец-то снова поехала вниз.

Из подъездов дома выскакивали ребята с портфелями и бежали через двор. И Мальчик появился из своего подъезда. Он не спешил, у него всё было рассчитано по минутам. Даже всякие непредвиденные задержки предусмотрены.

Двор был небольшой, почти сплошь заасфальтированный. За аркой ворот виднелась улица, где взмывали на настоящую эстакаду настоящие автомобили.

Два взъерошенных воробья прыгали посередине двора. А немного подальше на пяточке робкого солнышка спал полосатый кот.

Мальчик деловито расстегнул ранец.

Воробьи испуганно замерли, когда на них вдруг бешено помчалась заводная машина. В последний миг воробьи вспорхнули, и она стремглав влетела прямо под кота! Очумевший спросонья кот понёсся по двору на вездеходе!

Выла сирена, сверкала мигалка!.. Доносился беззаботный смех Мальчика.

Подпрыгнув на камешке, машина вильнула к яме, ограждённой редкими досками. С душераздирающим мявом кот взмыл на сук высокого голого дерева, торчащего на небольшом газоне. А машина, нырнув меж досок, исчезла в яме.

Озорник подбежал и взглянул вниз, где сиротливо валялся в луже его опрокинутый вездеход с умолкшей сиреной и погасшей мигалкой.

Он быстро отломил от дерева толстую длинную ветку.

Кот на дереве сразу забрался выше!

А Мальчик, зацепив рогулькой машину, достал её из ямы. Отшвырнул ветку и торопливо ушёл, пряча вездеход в ранец.

Мальчик вновь появился во дворе уже после школы. Он на ходу ковырял отвёрткой в своём вездеходе.

Завидев его, сразу разлетелись прыгающие по асфальту птицы. А полосатый кот привычно полез на дерево!

Мальчик внезапно остановился.

Возле большой ремонтной машины теснились ребята. На сиденье её боку крутились шестерни с цепной передачей — и выдвижной «стакан» поднимал электрика, с железным чемоданчиком в руке, к фонарному колпаку. Подъёмная площадка вдруг остановилась, заело передачу, и монтёр никак не мог дотянуться до фонаря.

Мальчик подошёл к машине, поглядел и крутанул отвёрткой в шестерне — электрика мигом подняло на нужную высоту. Не заметив случайного помощника, он принялся менять лампу.

Ребята с уважением посмотрели на умельца, и какой-то первоклашка восторженно показал большой палец. А Мальчик опять невозмутимо принялся за ремонт своего вездехода, направляясь к подъезду.

Он вошёл в лифт и нажал кнопку девятого этажа. Кабина поехала.

Неожиданно она вновь застряла. Он опять надавил на кнопку вызова диспетчера. Механический голос снова пробубнил что-то невнятное.

Мальчик стал нажимать на разные кнопки. И ненароком надавил на перечёркнутую десятую. Кабина поехала. А он снова склонился над вездеходом.

Вот за стеклом появилась цифра «9», но кабина... не остановилась. Она замерла только на следующем этаже, с цифрой «10».

По-прежнему ничего не замечая и копаясь в своём вездеходе, Мальчик вышел наружу.

Ветер взъерошил ему волосы, он поднял голову и от изумления даже выронил машину с отвёрткой!

По небу плыли белые облака, на лету меняя очертания и превращаясь в причудливые скалы, острова, парусники. В небе шелестели диковинными стрельчатыми листьями высокие пальмы, как на том плакате Аэрофлота.

Мальчик протёр очки. Он стоял на холме, а повсюду на солнечном просторе шумел тропический лес!

Скрежетнув, начали медленно сдвигаться за его спиной створки лифта. Он поспешно вставил между ними ранец.

И тогда — зазвучала волшебная музыка десятого этажа. Всё вокруг разом изменилось: то ли сам Мальчик неимоверно уменьшился, то ли необычайно увеличились и деревья, и кабина лифта, и даже школьный ранец.

Мальчик попятился и споткнулся об отвёртку. Он растерянно поднял её. Она была здоровенной, размером с его руку.

И тут раздался резкий шум мотора!

Он в испуге обернулся. Взаправдашней величины открытый вездеход подпрыгнул на больших колёсах, ринулся вперёд и своим бампером словно закинул его на заднее сиденье.

Сжимая, как копьё, блестящую отвёртку, Мальчик понёсся на неуправляемой машине с холма. Стремительно замелькали по сторонам исполинские деревья. У него теперь был такой же ошалелый вид, как утром у кота-гонщика.

Две птицы, удивительно похожие на обычных воробьёв, но величиной с грозного орла, подпрыгивая, играли в догонялки на склоне холма.

Внезапно раздался оглушительный треск — они еле успели взлететь, теряя перья, — это промчался неистовый вездеход!

Взмахивая неимоверными крыльями, птицы яростно полетели вдогонку.

Мальчик торопливо перебрался на водительское сиденье. Но руль не слушался. Педали не подчинялись.

Вдруг машину подбросило, как на трамплине, и она вновь приземлилась, продолжая бег.

Огромный тигр не тигр, лев не лев, котофей не котофей, но очень напоминающий того дворового полосатого кота зверь спросонья подскочил и озадаченно взглянул на следы от шин на своём боку.

Громко взревев, он помчался за пылящим вездеходом.

Мальчик на ходу чинил здоровенной отвёрткой машину, тревожно оглядываясь на преследователей.

И вот что-то щёлкнуло, и вездеход сразу увеличил скорость, отрываясь от погони.

Но руль по-прежнему был зажат намертво. Мальчик опять лихорадочно взялся за отвёртку.

Гигантский, словно с того же плаката Аэрофлота, крокодил, лежавший поперёк ручья, разинул навстречу спешившему с холма вездеходу ужасную пасть. Она свободно вместила бы целый микроавтобус!

Но вот на машине включилась мигалка, завывла сирена.

Крокодил в страхе захлопнул челюсти. Иездеход промчался по нему, сотрясая его от самого носа до конца хвоста, на тот берег, словно по живому мосту.

Не успел крокодил снова раскрыть пасть, как вновь весь затрясся — это протопал по нему огромный тигролев-котофей.

Ошеломлённо растопырив свою пасть в третий раз, крокодил недоверчиво выждал ещё немного, с лязгом защёлкнул какую-то муху, которая тут же вылетела из его ноздри, и сконфуженно нырнул.

А погоня продолжалась: на земле, в воздухе и по воде. Воробьи-орлы, тигролев-котофей!.. А по извилистому ручью неистово плыл крокодил, прислушиваясь к сигналам сирены.

Мальчик обернулся. Котофей почему-то понёсся направо. Отставшие птицы полетели куда-то налево.

Машина по-прежнему не слушалась руля, мчалась по ухабистой лесной дороге. Мальчик опять что-то крутанул под рулём отвёрткой.

Вездеход вырвался на развилку дорог.

Наконец-то! Руль подчинился, Мальчик стремительно повернул вправо. Но здесь дорогу преграждал огромный котофей, широко расставив грозные лапы!

Мальчик повернул влево. И здесь дорогу ему закрывали хищные птицы, широко растопырив крылья!

Тогда он погнал машину прямо. Отчаянно вскричала погоня. И...

Слишком поздно беглец понял, что дальше пути нет: с налёту прорвав заросли, вездеход полетел в пропасть, где виднелась в воде разинутая крокодилья пасть.

Мальчик, крича, кувыркался в воздухе над машиной.

Неожиданно его приняла на крыло одна из гигантских птиц. Он пружинисто отлетел от неё на крыло ко второй. И она упруго подбросила его вверх, прямо в лапы полосатого тигрольва-котофея, стоявшего наготове у края обрыва.

Машина с грохотом исчезла в пасти крокодила. И он с ошалелым воем сирены, сверкая глазом, как автомигалкой, ринулся прочь.

Крепко зажмурившись, беглец лежал на лапах огромного котофея. А когда раскрыл глаза, то зверь заулыбался ему и потёрся усатой пушистой щекой о его щёку.

Внезапно донёсся резкий металлический стук. Мальчик оглянулся.

Стук доносился из кабины лифта, поблёскивающей на холме. Это, очевидно, где-то там, на других этажах, негодовали на остановку лифта.

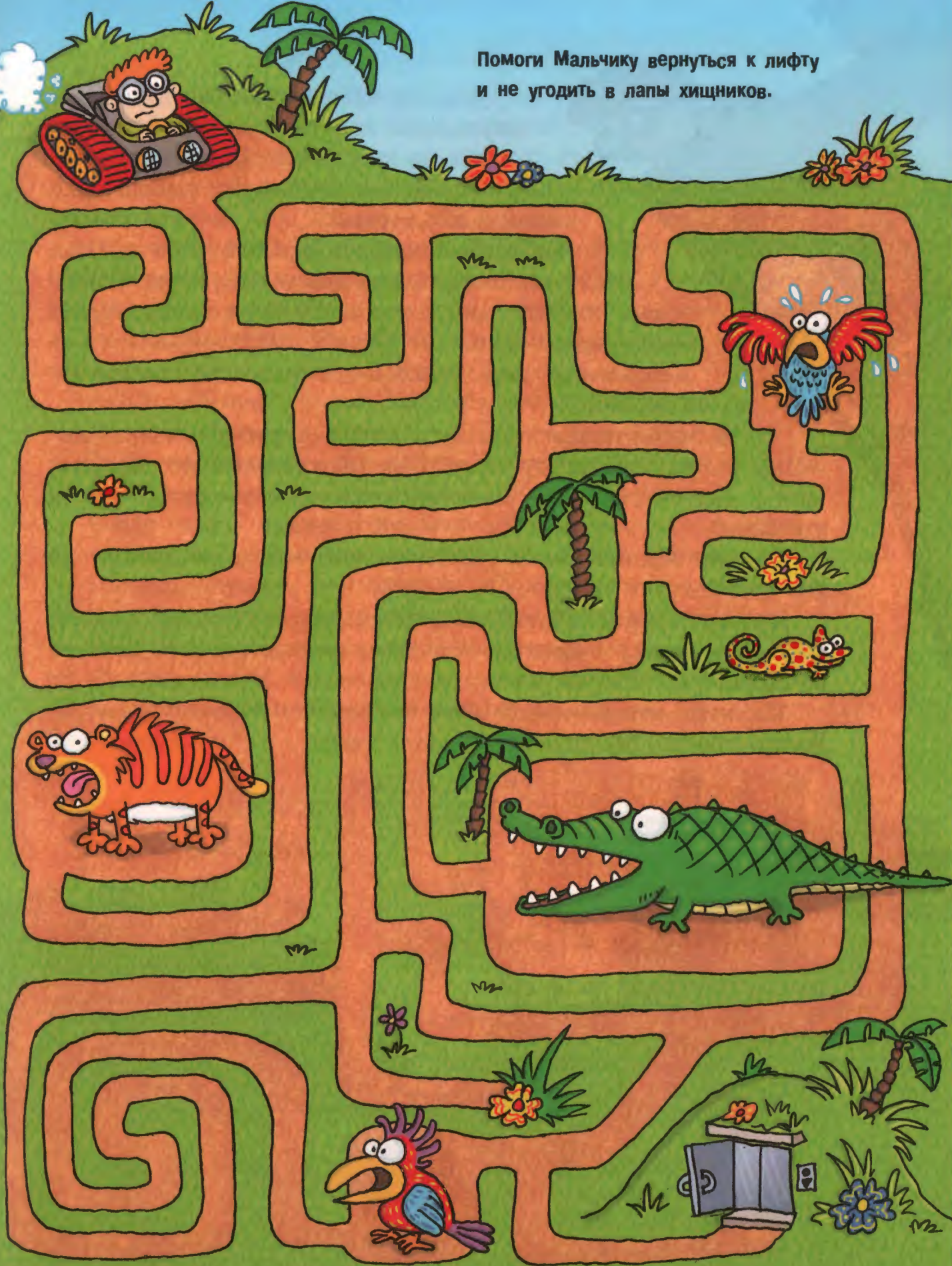
Котофей посадил Мальчика себе на спину и быстро доставил его к кабине.

Мальчик спрыгнул и пожал ему лапу. Воробьи-орлы в небе прощально покачали крыльями.

Волшебная музыка десятого этажа смолкла. Тигролев-котофей и воробьи-орлы исчезли.

Мальчик снова стал прежнего роста. Выдернув ранец из створок дверей, он протиснулся в кабину и нажал кнопку своего этажа.

Помоги Мальчику вернуться к лифту
и не угодить в лапы хищников.

Дома он невольно взглянул на аэрофлотовский плакат с пальмой.

Плакат как плакат. Да только на нём возле крокодила появились игрушечный вездеход и отвёртка!

На другой день, возвращаясь из школы, Мальчик нетерпеливо дождался, когда вспыхнул зелёный свет, и помчался через улицу, ныряя между прохожими.

Ворвался во двор. Разлетелись птицы. Кот опять залез на дерево!

Мальчик ринулся к лифту. Двери открылись, оттуда вышел вчерашний электромонтёр, на ходу защёлкивая чемоданчик с инструментом. И Мальчик прямо под его рукой влетел в кабину.

Он уже поднял палец, чтобы нажать заветную кнопку, да так и застыл.

Кнопочная панель была совсем иной, другого размера и цвета, а главное, только с девятью кнопками девяти этажей. Десятой не было!

Мальчик нажал самую верхнюю кнопку. Кабина после ремонта, плавно, без скрежета, пошла вверх.

Он выскочил на последнем, девятом, этаже. Выше, к полуоткрытой дверце, вело несколько ступенек. Он побежал по ним.
...Мальчик одиноко стоял на плоской крыше.

Кругом торчали серые дома. Лишь на горизонте виднелся низкий тёмный лес.

Он глянул вниз. И внезапно, выйдя из-за туч, всё волшебным светом преобразило солнце: засверкал двор, высветился зелёный газон и расцветшее весенними листьями одинокое дерево, на котором сидел кот. Пронеслась стайка вспыхнувших на солнце птиц. И возникла музыка десятого этажа!..

Забыв про лифт, бежал Мальчик вниз по лестнице.

Вылетел во двор. Спешил...

Тьфу ты! Возле самого газона развязался башмак. Присев, Мальчик начал завязывать непослушный шнурок.

Возле газона прямо через мостовую пробивалась травинка, а на неё давил уже почти отскочивший кусочек асфальта.

Мальчик откинул его щелчком, и травинка медленно выпрямилась. Волшебная музыка продолжала звучать в его ушах.

Он даже протёр очки: привычное дерево непривычно мощно уходило ввысь! А в развилке, свесив важную главу, грелся на солнышке среди первой зелени знакомый кот.

Знакомый?..

С рыжими подпалинами, полосатый, напоминающий тигра, казалось, неправдоподобно огромный, добродушный кот широко раскрыл сверкающие глаза. В них отразились во весь рост два маленьких мальчика.

Узнав обидчика, кот суетливо полез вверх и на ходу оглянулся. Тот приветливо помахал рукой. Недоверчиво глядя на него и продолжая взбираться выше и выше, кот хватанул лапами воздух и с криком сверзился вниз!

Крепко зажмурившись, он ошеломлённо лежал на руках поймавшего его Мальчика. Осторожно приоткрыл один глаз.

Вчерашний обидчик дружелюбно ему подмигнул.

И тогда — неужели почудилось? — кот подмигнул ему тоже, а затем потёрся своей пушистой щекой о его щёку.

Мальчик выкопал руками ямку в рыхлой земле и посадил толстую длинную ветку, отломанную вчера.

Он изумлённо смотрел, как вдруг на ней начали лопаться почки и вытягиваться зелёные листки.

На ветку тут же доверчиво села парочка воробьёв и, раскачиваясь, шумно загомонила на весь двор — в этом обычном и волшебном живом мире.

Иван-дурачок

Жил-был на свете Иван-дурак. И не сказочный, а настоящий дурак. И скорее, был, чем жил. Разве это жизнь: сиднем за столом сидеть или лёжа на печи лежать! Ничего на свете не хочет.

Старые мать и отец его очень расстраивались, врачей приглашали, таблетками кормили — ничего не помогает. Даже отоларинголух приходил, в нос Ивану смотрел, в рот заглядывал, в уши глядел — в оба. Ничего не высмотрел.

«Чему отец с матерью научить не могут, тому Жизнь научит!» — решили родители. И послали они Ивана в странствие: Жизнь искать.

У кого ни спросит Иван:

— Жизни не видели? Где она, Жизнь?

— Чёрт её знает где! — отвечают. — Не видели. Живём.

Ходил Иван пешком, захотелось ездить. Худо ли, бедно ли, а лет за десять-то добыл Иван, где украдкой, где милостыней, средства на арбу и вола.

Вот это Жизнь! Едешь себе на арбе под парусиновым верхом, вол хвостом перед твоей рожей крутит, мух отгоняет.

Думал Иван: «Вот это она и есть, Жизнь, когда не надо пешком ходить, когда солнце не печёт да мухи не кусают.

Живи — не хочу!»

А выехал он однажды, ещё через десять лет, на торный путь, сомневаться стал. Мимо блестящие машины проносятся, с мягкими сиденьями и большими ветровыми стёклами для обзора Жизни. Внутри толстые люди в шляпах сидят.

«Вот это Жизнь! — подумал Иван. — Вола-то погонять надо, а тут сиди и разъезжай!»

Захотел Иван в машине ездить, шляпу носить.

Дурак-то он был дурак, а со временем добился. Стоит только как следует захотеть чего-то и больше ничего не хотеть! Другие-то распыляются в своих желаниях, а Иван в одну точку бил. И добился!

Ездит в машине.

Туда поедет, сюда поедет, здесь посидит, там посидит.

Ну и что? Сиднем сидеть он и дома сидел!

А другие, умные, уже на своих самолётах летают. И красавицы им кушать носят. А когда ты ешь, стоят и улыбаются. Сказки, конечно.

Высоко взял Иван, и этого добился. Надо только захотеть и не распыляться. Летает!.. И опять не то: уж очень оно на родительскую печку похоже, где он лёжа лежал.

Но тут, на его счастье, несчастье случилось — грохнулся самолёт. Иван жив остался.

И надо же, грохнулся у той самой дороги, на которой он когда-то арбу бросил. Вол за это время раздобрел от безделья, животом заважничал.

Плюнул Иван и на работу пошёл. Пахать. Со своим-то волом! А то, что оба разжирели, — ничего, похудеют. Жизнь такая.

Старое привидение

Английская сказка

Тусклая луна зыбко освещала зубчатые контуры небольшого замка, стоявшего на лесистом холме.

По тёмным замковым коридорам и переходам в сопровождении дворецкого со свечой бродил молодой тоскливый господин в строгом сюртуке и поблёскивающем цилиндре.

Метались мохнатые тени, слышались таинственные шорохи. С надеждой вглядывался хозяин замка в причудливую игру теней с загадочными бестелесными силуэтами, напряжённо прислушивался к вкрадчивому потрескиванию половиц, храбро заглядывал за таинственные складки портьер, но нигде никого не было. Он разочарованно вздыхал. А дворецкий безостановочно тряся, как осенний лист.

Какие-то стонущие звуки внезапно донеслись из камина. Хозяин замка поспешно просунул туда голову.

Высоко вверху, в отверстии трубы, сверкнув огненными глазами, перечеркнул звёздное небо филин-полуночник.

Опять разочарованный вздох. Опять загадочные поиски по всему ночному замку.

Всё дело в том, что здесь теперь жил новый владелец, одинокий молодой человек — Генри Смит. А замок он получил в наследство от своего богатого дядюшки. Казалось, такая удача: целый замок! Но человеку свойственно быть вечно недовольным.

С раннего детства, наслушавшись от няньки жутких историй о всяких страшилищах, Генри всё время мечтал их увидеть. С тех пор в поисках привидений он безуспешно облазил чердаки и подвалы многих заброшенных домов, подземные ходы крепостных развалин, пещеры и гроты морского побережья.

И теперь, получив свой замок, он никак не мог заполнить и своё привидение, хотя вот уже две недели с единственным слугой обходил по ночам старинное здание, заглядывая во все закоулки. Нет, напрасны были его старания. Такая обида: замок без призрака!

Но Генри Смит был не из тех, кто отступает перед трудностями. Добавим, что это происходило давно, в начале XX века, когда в привидения верили гораздо охотнее, чем сейчас.

Утром на перекрёстке трёх дорог появилось объявление: «Куплю привидение! Одинокий, молчаливый, замкнутый, застенчивый человек, приверженец традиций старой доброй Англии, недавно вступивший во владение замком Грей Хауз, приобретёт за разумную цену привидение. Желательно древнее! Предлагать лично Г. Смиту».

Редкие прохожие, прочитав обращение Г. Смита на щите с объявлениями, только переглядывались, а иные, посмеиваясь, покачивали головами и даже невежливо показывали пальцами на серый замок, видневшийся на холме.

Пыхтя, дребезжа и сигналив, из-за поворота показалось открытое чёрное ландо — прадедушка современного автомобиля. За рулём сидела ярко-рыжая энергичная особа в шофёрских перчатках, плоской дорожной шляпе, с сигарой в зубах.

На борту машины белой краской был наклеен заливчатый лозунг: «Равноправие так равноправие!». Напомним, что в это время женщины стали особенно рьяно выступать за равноправие с мужчинами во всём: водить ли машину, курить ли сигары или заседать в парламенте, надеясь — ха-ха! — когда-нибудь стать даже и премьер-министром. К чему это привело, мы уже знаем.

Машина остановилась, пропуская через дорогу всадника — Генри Смита, хозяина замка, — на прекрасном белом коне. Высокомерно окинув взглядом чадающий, трясущийся на месте автомобиль, всадник поскакал к замку.

С вызовом посмотрев ему вслед, рыжая особа невольно взглянула на объявления, до которых ей было рукой подать. Прочитав необычное обращение Генри Смита, она усмехнулась. Тронула было машину с места, но тут же возвратилась обратно.

Она хмуро уставилась на другое небольшое объявление: «Лондон. 15.VII.1902. Скотленд-Ярд разыскивает небезызвестную Джейн Брокет, совершившую со своими сообщниками ряд

дерзких ограблений в столице и пригороде. Приметы: ярко-рыжие волосы, рост 170 см...» И так далее.

Увидев, что осталась на перекрёстке одна, особа быстро сняла шляпу и заменила рыжий парик на чёрный. Ещё раз бросив взгляд на объявление о привидении, она взглянула на замок и продолжила свой чадающий путь.

Тем временем дворецкий уже принимал поводья у своего господина.

Чуть поодаль, у стрельчатого входа в замок, ожидали хозяина двое мастеровых с какими-то большими прямоугольными предметами, похожими на зачехлённые картины.

Хозяин кивнул им и вошёл в замок. Дворецкий и мастеровые со своей поклажей последовали за ним.

В каминном зале хозяин деловито зашагал вдоль стены с тремя узкими окнами. Мастеровые семенили за ним.

Из каждого окна открывался свой вид: на дымящую фабрику на горизонте, на дорогу с одиноким автомобилем, на серенькое небо с ползущим по нему четырёхкрылым перепончатым аэропланом.

Следуя указаниям хозяина, мастеровые ловко закрывали окна, одно за другим, новыми витражами. Вместо вида на фабрику появился романтический пейзаж с развалинами старинной крепости вдали. Вместо прямой дороги с машиной — извилистый живописный просёлок с каретой, запряжённой четвернёй лошадей. А вместо серенького неба с аэропланом — голубая ширь небес с парящим орлом.

На всё это одобрительно взирал со стены портрет вельможи с размашистыми усами, в белом завитом парике, в камзоле и при шпаге.

Наступил вечер...

Хозяин грустно сидел в кресле у горящего камина, напротив него стояло другое, пустое, кресло. Дворецкий бесшумно убирал со стола и ставил на полки огромного буфета массивные серебряные приборы.

Хозяин представил себе, как в соседнем кресле появилось, словно сотканное из тумана, старое-престарое привидение и начало удивительный рассказ. И как бы слышались издали боевые кличи, ржание коней, бряцание оружия!..

Дворецкий нечаянно уронил зазвеневшую серебряную тарелку, и видение тотчас рассеялось.

Хозяин неодобрительно оглянулся на слугу, затем заинтересованно уставился на него: в бликах света от камина фигура слуги на миг показалась ему какой-то зыбкой, нереальной. Но, увы, только на миг!

Хозяин зна́ком подозвал его к себе. И о чём-то попросил. Тот нехотя кивнул и вышел. Оставшись один, хозяин задумчиво поглядел на портрет усатого вельможи в парике.

В своей комнате, с фотографиями на стенах, дворецкий прорёзал в простыне дырки для глаз и напялил её на себя.

И вот подученное самим хозяином «привидение» открыло дверь в зал, крадучись вошло. И...

За столом под пустой позолоченной рамой портрета сидел усач вельможа в белом завитом парике, в камзоле и при шпаге!

Дворецкий в ужасе всплеснул под простынёй руками.

— А-а-а! — И упал в обморок.

А-а-а!

Усатый вельможа бросился к нему, сдёрнул простыню, кинулся за кувшином, брызнул ему водой в лицо.

Дворецкий слабо открыл глаза и увидел склонившееся к нему озабоченное лицо вельможи.

— О-о-о! — И вновь потерял сознание.

О-о-о!

Вельможа ударил себя кулаком по лбу и поспешно вставил холст картины, лежавший у стены, обратно в раму. Сорвал с себя парик, камзол, шпагу и бросил всё в кованный сундук.

Вновь брызнул на дворецкого водой. Тот снова открыл глаза.

Теперь над ним, слава Богу, склонялось лицо хозяина, но... с растопыренными усами.

— У-у-у! — И дворецкий опять обморочно закатил глаза.

Хозяин тяжело вздохнул. Но тут, увидев своё неимоверно усатое отражение в зеркале, сам вздрогнул. В сердцах сорвал усы и сунул в карман.

Утром хозяин одиноко сидел за пустым обеденным столом, в нетерпении поглядывая на дверь. Наконец встал, взял с подставки на треножнике колокольчик и резко позвонил.

Дворецкий не появился.

Только сейчас хозяин заметил на подставке листок бумаги. На нём было коряво написано, очевидно, трясущейся рукой: *«Я навсегда уйду от вас. Прошу простить, но мне страшно от ваших причуд, играйте в свои игры с другими»*. И подпись: *«Ваш бывший слуга Уоткинс»*.

Хозяин машинально исправил карандашом букву «ю» на «у» в слове «причуд». И уныло уронил голову на грудь.

Неожиданно дверь открылась, и вошёл сутулый бородастый старик. Он протянул удивлённому хозяину визитную карточку.

— «Мистер Абракадабр. Продавец привидений», — прочитал хозяин. Он был приятно поражён. — Вы можете предложить привидение?

— Хотя целых четыре — на выбор!

Хозяин поспешно заглянул нежданному гостю за спину, затем даже подбежал к двери и выглянул в коридор.

— Не торопитесь. Сегодня — в полночь, — усмехнулся старик. — Я приду немного раньше.

Хозяин обеими руками затряс его руку. А старик пристально посмотрел мимо его плеча на огромный буфет, заставленный массивными приборами столового серебра.

Если бы владелец замка мог увидеть всё, что произошло после того, как они расстались, он бы крепко задумался.

Выйдя из замка, загадочный старик не спеша двинулся прочь. Затем, озираясь, нырнул в кусты и подбежал к открытому чёрному ландо, скрытно стоявшему у дороги. В нём сидели трое мрачных громил в строгих, деловых котелках.

Старик выпрямился, став высоким и стройным. Как вы уже, наверное, догадались, это была переодетая Джейн. Та самая девушка, которую разыскивал Скотленд-Ярд.

Скажем в её оправдание, что несчастное беспризорное детство Джейн прошло в злочных, воровских трущобах Лондона и что она, бесспорно, была жертвой злой судьбы.

Но вернёмся в замок Грей Хауз.

Хозяин с трудом дождался наступления ночи. Стрелки каминных часов еле-еле ползли. Так всегда бывает, когда кого-то ждёшь.

Но вот на часах уже — и ещё только — без пятнадцати двенадцать.

Продавец привидений мистер Абракадабр действительно пришёл раньше срока. В этом он не обманул.

Он решительно взялся за необходимые приготовления для встречи с призраками. Сначала открыл дверь в коридор, затем — одно из окон:

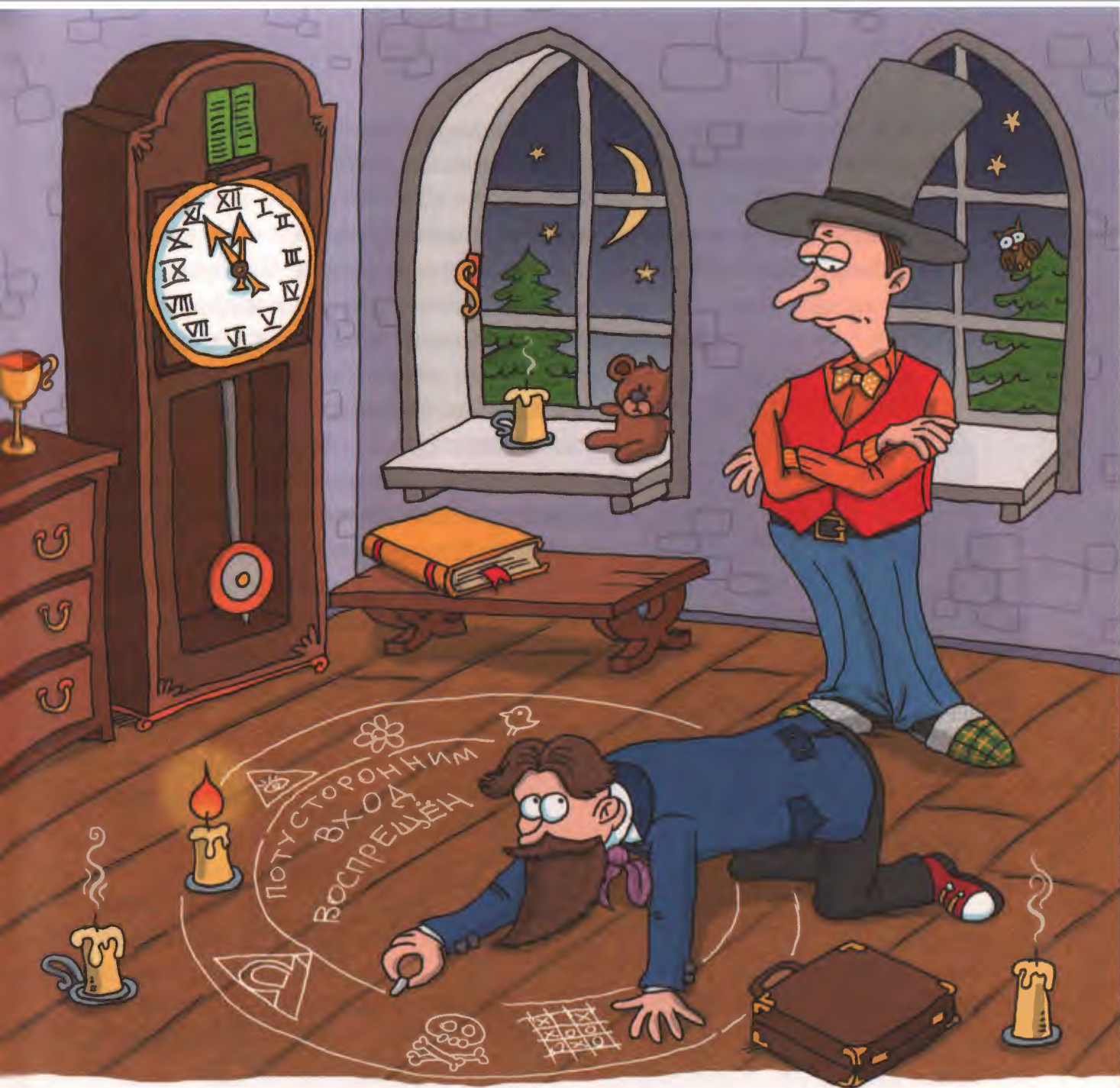
— Для дүхов.

Погасил свечи. Теперь лишь слабо мигали догорающие в камине поленья.

— Для атмосферы.

Начертил на полу мелом магический круг. Написал внутри него: «Потусторонним вход воспрещён!» И ещё какие-то иероглифы.

— Для безопасности.

Пригласил войти в круг хозяина и поставил его так, чтобы тот оказался спиной к буфету с серебром. Заботливо поднёс ему рюмку коньяку, украдкой плеснув туда какой-то бесцветной жидкости из медицинского пузырька.

— Для храбрости.

Хозяин замка послушно выпил.

Стрелки часов соединились на двенадцати. Из дверки в часах выскочили бронзовые кузнецы и начали поочерёдно бить молоточками.

Хозяин замер в центре магического круга.

Мистер Абракадабр высунул голову в коридор. Там уже стояли три «призрака», одновременно дорисовывая друг на друге фосфором последние штрихи: кому — надбровные дуги, кому — рёбра скелета, а кому — неизвестно что. Завидев главаря, они поспешно выстроились в очередь.

Бронзовые кузнецы на каминных часах пробили молоточками в последний раз. Хозяин замка осторожно вытянул шею в сторону двери. Мистер Абракадабр внезапно отскочил от неё и нырнул за его спину, к буфету.

В зал вступил зловещий, пылающий неземным светом скелет. У хозяина зарябило в глазах — это начало действовать подлитое снадобье.

Скелет пустился в бешеный пляс! От своей неистовой скачки он вдруг рассыпался на составные части.

Костяные руки наигрывали на рёбрах, как на арфе. Два мосола отстукивали на пустом черепе ритм, будто на барабане. И суставчатые голеностопы выбивали чечётку!

А за спиной хозяина мистер Абракадабр с ловкостью фокусника выдёргивал из своих просторных рукавов холщовые мешки и проворно наполнял их серебряной утварью.

Из челюстей скелета посыпались длинные зубы и затем возникли в пустых глазницах на манер чудовищных ресниц. Потом с нарастающим кляцаньем зубы выстроились костяным частоколом от одной ушной раковины до другой — наподобие бороды. Кости скелета складывались жуткими орнаментами, которые, перестраиваясь на ходу, со свистом летали вокруг хозяина замка!

И в довершение всего — чёрт знает до чего доводит расстроенное воображение! — позвоночник скелета внезапно вытянулся под потолок таким бамбуковым стволом, заканчиваясь черепом с двумя скрещёнными костями. А вокруг него загорелась фосфорическая надпись из мелких косточек: «Пожалуйста, не влезать — убьёт!».

Подмигнув пустой глазницей, скелет протянул руку хозяину замка. Как говорится: по рукам? Берёшь меня? Решено?

Но хозяин отрицательно покачал головой.

— Следующий! — провозгласил мистер Абракадабр.

Скелет куда-то исчез. В дверях показался новый призрак — клыкастая старуха со смертоносной косой.

Пользуясь моментом, «скелет» схватил у мистера Абракадабра один из мешков с серебром и выскользнул в открытое окно.

Дьявольская старуха тут же принялась косить всё вокруг: густой ворс на ковре, ножки стола и стульев, высокие канделябры.

Из трещин меж каменных плит потянулись причудливые растения, немыслимые цветы — они мягко опадали, срезанные острым стальным лезвием.

Скашивая всё подряд, старуха неумолимо подбиралась к магическому кругу, внутри которого застыл хозяин замка.

И вот, невольно спасаясь от загребущих взмахов косы, он подскочил — вместе с меловым кругом! — над просвистевшим лезвием, с достоинством придержав на голове свой цилиндр.

Повелительным знаком руки он остановил усердствующую старуху. По-солдатски щёлкнув пятками, она застыла по стойке смирно, взяв косой на караул и выжидающе глядя на него.

Он вновь отрицательно покачал головой.

Клыкастая старуха с придушенным тоскливым криком нырнула за его спину к мистеру Абракадабру.

— Ха-ха-ха!!! — влетел третий призрак — огненно-бровастый толстяк в кладбищенском саване, так и распираемый весельем.

А «старуха», повторив манёвр своего первого сообщника, исчезла в окне со вторым мешком серебра.

Брызжащий весельем толстяк раздувался, как шар, становясь почти невосомым, так что лишь кончики туфель волочились по полу. С треском разрывался саван по швам, являя разнообразные уголовные татуировки на округлых конечностях привидения.

Этот огромный призрачный шар с пухлыми отростками головы, рук и ног, дробно подскакивая, сатанински хохоча и забавляясь, пытался вытолкнуть хозяина из магического круга. А тот, в свой черёд, храбро отталкивал парящую перед ним в воздухе машину.

Заметив у призрака развязавшийся ботиночный шнурок, хозяин замка ухватился за него и стал — сначала медленно, а затем всё быстрее! — раскручивать этот хохочущий шар над своей головой.

Шар с гулом кружил на шнурке вокруг блестящего цилиндра хозяина замка. Казалось, ещё мгновение, и тот выпвырнет это раздутое привидение в открытое окно.

Но тут шар наткнулся на острый конец висящих на стене оленьих рогов и лопнул с таким грохотом, что усатый вельможа на портрете заткнул себе обеими руками уши!

На пол со звоном посыпались голубоватые наколки призрака: кинжал, перевитый змеями, рожа пирата с повязкой через глаз, пышная русалка и разнокалиберные якоря с длинными цепями.

Глядя на эти останки призрака, хозяин замка с приличествующей скорбью обнажил голову, а затем с достоинством снова надел цилиндр.

Тем временем третий сообщник мистера Абракадабра, скрывавшийся под обликом призрака-толстяка, схватил очередной мешок с серебром и, прихрамывая, выбрался в окно.

Хозяин замка выжидающе посмотрел на дверь. Но больше никто не появлялся.

Тогда он начал оборачиваться к мистеру Абракадабру. Тот, миготнув от последнего, не заполненного ещё мешка, подбежал к выходу и выглянул, как бы призывая войти следующий призрак. Затем и сам исчез в коридоре.

Там он торопливо сдёрнул свой парик, сбросил мужскую одежду — и возникла Джейн в лёгком белом платье. Она поспешно подняла с пола коробочку с фосфором.

Вдруг на её плечо опустилась чья-то расплывчатая рука.

Джейн обернулась и в ужасе вскрикнула. Позади неё стояло самое настоящее старое-престарое Привидение, его зыбкие контуры колыхались в полумраке.

— Вы тоже призрак? — с ехидной улыбкой спросило Привидение.

Джейн с визгом вбежала в зал.

Хозяин замка, покачиваясь от действия коварного снадобья, радостно воскликнул:

— Подойдёт! Я выбираю её, вот этот очаровательный призрак! — И упал.

Джейн, оглянувшись на Привидение, которое вплывало следом и тянулось к ней зыбкими руками, тоже упала в обморок.

Когда первые лучи солнца мягко осветили окна, Джейн, очнувшись, недоуменно огляделась по сторонам. Она лежала в постели под шёлковым балдахином. А рядом с кроватью стояло старое-престарое Привидение.

— Вы тоже... по объявлению? — во все глаза уставилась на него Джейн.

Привидение возмущённо хмыкнуло.

— Да я тут триста лет живу! Никого не трогаю, никому не мешаю — вот мой принцип! Из-за вас, бессовестных самозванцев, пришлось объявиться!

Робко вошёл хозяин замка, болезненно потирая лоб. Завидев Привидение, он обрадованно вспыхнул, кинулся к нему, про-

стирая руки для объятия, и, пройдя сквозь него, ударился лбом о стену.

— Погодите, — растерянно пробормотал он. — Вчера я видел вроде бы другое...

Он снова потёр лоб и опять восторженно посмотрел, но теперь — на Джейн!

Взглянув на него, Привидение добродушно хихикнуло:

— Доверчивый, как дитя. Но храбрец! Оставайся-ка, милая, с ним. С нами, а?..

— С ним? Да он ненормальный, он же верит в приви...

Опомнившись, Джейн зажала себе рот рукой, глядя на Привидение. Затем перевела взгляд на хозяина замка. Она словно впервые увидела его. Он задорно улыбнулся ей мальчишеской обаятельной улыбкой.

В зале уютно горел камин. Возле огня сидели хозяин замка Генри Смит, Джейн и старое Привидение.

Хозяин попыхивал трубкой. Джейн, улыбаясь, вязала на спицах. А Привидение, горячо размахивая руками, рассказывало удивительные истории. И как бы издалека доносились боевые кличи, ржание коней, бряцание оружия. Обернувшись к ним, дворецкий Уоткинс протирал подсвечник возле буфета, вновь заставленного семейным серебром.

Внимательно слушал и вельможа на портрете, теребя свой длинный ус.

Оживали витражи на окнах: взвивалось английское знамя над развалинами крепости, по дороге мчалась карета с четвернёй лошадей, а в голубом небе гордо парил орёл.

Старая добрая Англия...

И зал, и сам замок удаляются от нас в вечернем сумраке — уходят в своё время, которое давно миновало. Светится далёкий огонёк в старой башне, стоящей на лесистом холме. В вечернем закатном небе летит четырёхкрылый перепончатый аэроплан...

Всё на свете улетает, уходит в прошлое. Даже сегодняшний день.

Жил-был дом

Сказка для пап

Жил-был дом в городе Москве. Семиэтажный, облицованный белой плиткой, в стиле модерн начала XX века — всё ещё крепкий, красивый, удачный дом. И место у него было удачное: в центре, рядом с зоопарком, напротив детского кинотеатра. Но в один ужасный день дом погиб: под ним прокладывали линию метро, он вдруг дал трещины — и его снесли. Теперь здесь зелёная лужайка перед станцией «Баррикадная».

Какой-то молодой человек, по фамилии Скворцов, проходил с приятелем мимо станции и вспомнил про этот дом.

Сосчитай,
сколько кошек
живёт в доме.

(STREET VIEW)

Я ПОМНЮ
ЧУДОЕ
МГНОВЕНЬЕ...

АЗБУКА

АПТЕКА

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ

СТОЛОВАЯ

— Какое тут было красивое здание! — сказал Скворцов приятелю. — Жалко — снесли...

Так он мимоходом пожалел беднягу.

Однако мы живём не только среди людей, но и среди домов. Новость о том, что какой-то Скворцов пожалел их собрата, быстро распространилась от одного здания к другому. Даже высотные башни узнали об этом!

«Что бы сделать такое приятное Скворцову?» — задумались лучшие дома, которые дружили домами. И решили дать ему хорошую квартиру в новом микрорайоне столицы.

Дело в том, что Скворцов безуспешно стоял в очереди на квартиру в райисполкоме. Надежда на получение жилья у него была, прямо сказать, ничтожная. Он пока не женат, молод, надо ждать долго... Но старый дом райисполкома постарался ему помочь. Когда решался вопрос о квартирах, пол в кабине-те дрогнул и ответственный работник, склонившийся над списком очередников, невольно поставил нужную галочку против фамилии Скворцова.

Так Скворцов — один — получил принципиальное разрешение на трёхкомнатную квартиру!

Все московские дома радовались за Скворцова. Путём всяких необходимых толчков под руку разных солидных лиц квартиру ему выбили в отличном районе, рядом с метро. Все комнаты были квадратные и изолированные, просторный холл, паркетные полы, финская сантехника, радиотелефон, а окна глядели исключительно на юг.

Этот кирпичный красавец был построен для дипломатов, живших пока за границей в трудных условиях.

Скворцов был неопишимо счастлив!

Все друзья и товарищи ему завидовали и не понимали, почему судьба к нему столь

благосклонна. Он и сам не понимал, но, как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят.

Завистники засыпали разные инстанции строгими заявлениями, негодуя на счастливца Скворцова, который ни за что ни про что получил такую квартирищу.

И как вы понимаете, дома, где эти инстанции размещались, продолжали ему помогать по-прежнему, и резолюции на заявлениях выходили самые благожелательные для Скворцова. Вместо строгого распоряжения «проверить» получалось ласковое «верить», вместо «отставить» — «оставить», вместо грозного «выселить» — доброе «вселить» или даже совсем странное «веселить»!..

Однажды Скворцов вновь проходил, на сей раз со своим начальником, мимо той же станции «Баррикадная». И начальник сказал:

— Помнишь, тут когда-то дом стоял? Правильно сделали, что снесли!

— Правильно, — поддакнул Скворцов.

В тот же день у его начальника в квартире рассохлись все двери и потекли все краны.

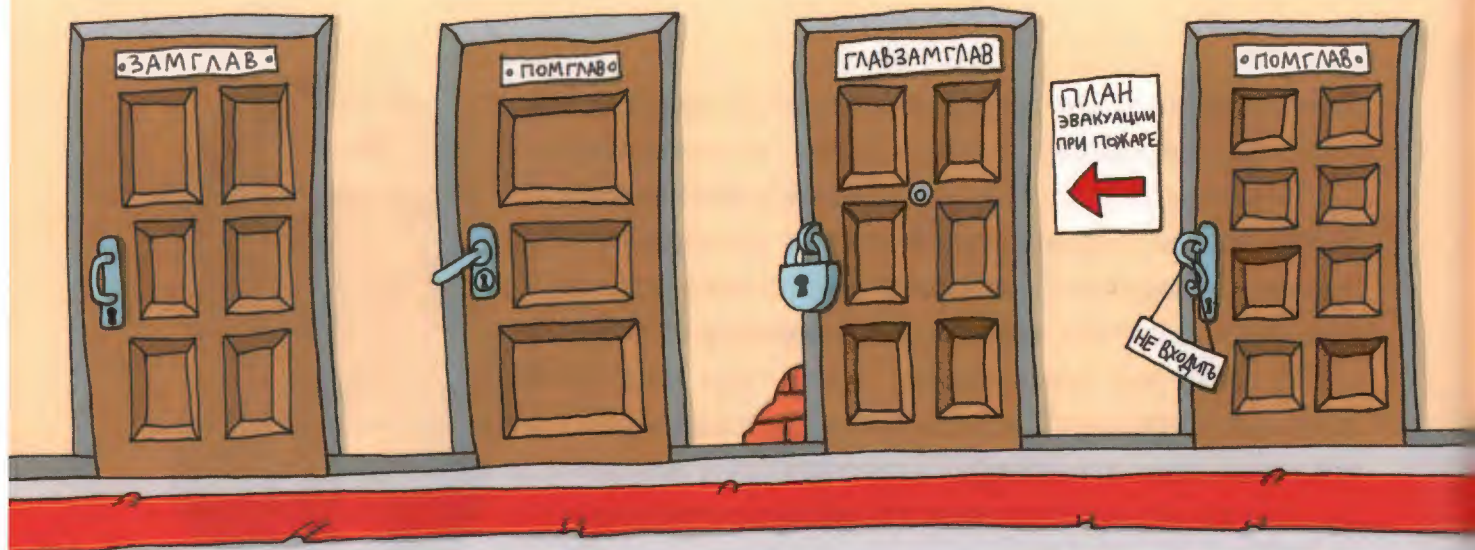
А у Скворцова квартиру отобрали.

Мало того, он схлопотал тогда выговор с занесением в личное дело за то, что получил её «обманом». Произошла, мол, такая явная, вопиющая ошибка, а он промолчал в корыстных целях.

С тех пор Скворцов по-прежнему стоит в очереди на квартиру, теперь — для малообеспеченных. А ведь у него и жена давно появилась, и дети. И ждать ему придётся долго.

Правда, друзья и товарищи стали к папе Скворцову относиться лучше.

Любит, не любит

Сказка для мам

В одном большом городе жила... необычная Подпись. Она была сложная, начальственная. Хитро извиваясь, она несколько раз пересекала сама себя и заканчивалась жирным росчерком. Она была похожа на кулак, если всмотреться.

Днём Подпись работала, а по ночам, сладко посапывая, спала на своей белоснежной кровати — чистом листе бумаги с вырезанными фигурными ножками. Дома она была лёгкая, зато на работе весомая. Но об этом — после.

На стене в изголовье кровати висели фотоснимки Подписи в разном возрасте. Вот она маленькая, вот подросла, а вот — совсем взрослая, уже похожая на кулак.

По снимкам было видно, как она изменялась с возрастом: сначала — корявые, но чёткие буквы первоклассника, затем — беглая, но достаточно ясная пропись, потом — она же, ещё вполне различимая, но уже с маленьким хвостиком на конце. Постепенно начертание усложняется, она становится загадочной,

совершенно непонятной, пыжась всеми завитушками, поскольку тогда-то Подпись и стала Начальником. Она считала себя неутомимой, вездесущей и незаменимой.

Каждое утро Подпись выходила из подъезда на работу.

Так было и в тот ничем не примечательный день.

Она подошла, гордо откинувшись назад и опираясь на хвостик росчерка, к чёрной машине у тротуара. Важно развалилась на заднем сиденье и махнула шофёру пальчиком: гони!

Машина переехала на другую сторону улицы и остановилась перед внушительным зданием.

Подпись вошла в подъезд, небрежно кивнув на низкий поклон дюжего то ли швейцара, то ли вахтёра в пятнистой маскировочной форме, но с золотыми галунами.

Вверх вела широкая мраморная лестница. А рядом с ней находился персональный эскалатор. Вход на него был закрыт никелированной калиточкой с замком.

Подпись открыла своим ключом замок, и эскалатор вознёс её на второй этаж.

Не торопясь прошествовала Подпись по коридору, высокомерно отвечая на поклоны всех встречных, идущих навстречу, и поперечных, пересекающих ей путь из двери в дверь.

На дверях красовались таблички: «Замглав», «Помглав», «Главзамглав», «Главпомглав», «Перзамглав», «Предглав»...

И наконец появилась самая большая табличка: «Самглав». Это был кабинет Подписи.

Она вошла в огромный кабинет и села за гигантский стол. Нажала кнопку.

Тут же несколько сотрудников внесли большущий лист деловой бумаги, держа его за углы. Они почтительно положили документ на стол.

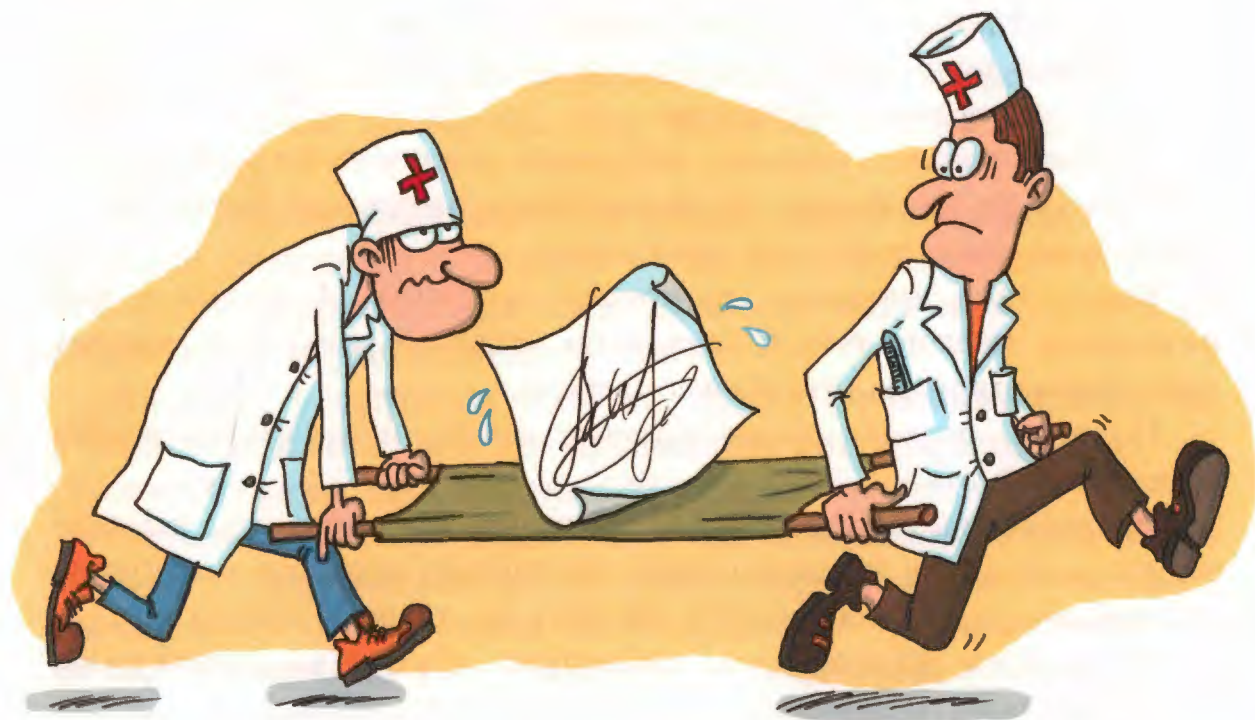
Подпись встала на кресло, перебралась с него на лист бумаги и стала важно прохаживаться по нему зигзагами, прочитывая строку за строкой.

Затем, недовольно хмыкнув, она взяла пузырёк с чернилами и щедро плеснула их в серебряную штемпельную коробку.

Р-раз! — и Подпись легла внутрь коробки, захлопнув за собой крышку.

Два! — коробка поворочалась.

Три! — разбухшая от чернил Подпись с трудом вылезла из коробки и с размаху гулко ударила по бумаге, оставив грозный оттиск кулака. Полетели брызги, донеслось эхо грома!

Сотрудники всё так же почтительно унесли лист.

Подпись устало опустилась в кресло. Она никак не могла отдышаться.

Но, как известно, «покой нам только снится». Ещё несколько раз приносили деловые бумаги и уносили с запрещающим оттиском кулака.

И вот в очередной раз Подпись, неимоверно разгневавшись,хватила по бумаге с такой силой, что совершенно изменилась сама, превратившись в какой-то запутанный клубок из прыгающих букв.

Из клубка торчал кончик росчерка, и Подпись со стоном и писком дёргала им, как щенок прищемлённым хвостом.

Забегали сотрудники. Затрещали телефоны!

С волчьим воем подлетела к зданию машина «скорой помощи».

Проворные санитары унесли Подпись на носилках.

В операционной было страшно. Аппараты дыхания и кровообращения, огоньки хитрых приборов, хирургические инструменты, врачи в стерильных масках!

Долго колдовали медики над Подписью, придирчиво сличая клубок букв и линий с последним фотоснимком важной персоны, и старались вернуть ей первоначальный вид.

Её просвечивали рентгеном, подключали к сложной аппаратуре, накачивали кислородом, ставили капельницы, резали, сшивали, засовывали в барокамеру. Пытались и растянуть Подпись, как резиновую, но она упрямо принимала форму клубка, в котором по-прежнему мельтешили испуганные буквы.

Положение безвыходное. Теперь годились любые, даже самые невероятные, рискованные средства. Терять было нечего!

Кто-то из физиотерапевтов срочно вызвал боксёра-тяжеловеса. Вдруг Подпись устрашится двух его грозных кулаков и сама машинально сожмётся в кулак?..

Бесполезно. Боксёр навешивал ей полновесные удары, слева и справа. Но Подпись никак не могла собраться с силами. Она лишь подпрыгивала, словно мячик, на операционном столе и о чём-то невнятно вопила, что знающий логопед перевёл как «Наших бьют!».

Осталось последнее средство. Седой главный врач, почётный академик всех медицинских академий, в прошлом простой молотобоец, размахнулся здоровенной кувалдой и так ахнул по клубку неизлечимой Подписи, что враз рассыпался операционный стол и где-то внизу, на первом этаже, упал куривший возле урны санитар. А клубок Подписи, вновь подпрыгнув, вдруг вылетел в открытую форточку.

Он плыл над полями, садами, рощами. Его обрызгал летний дождь и побил случайный град. Он и в лужу плюхался, и по булыжной дороге катился. Какой-то задорный телёнок боднул его прорезавшимися рожками. А беззаботный мальчишка послал загадочный клубок пинком вдаль.

Подпись приземлилась на просторном лугу. Она вновь стала той же самой, прежней. Такие полёты и потрясения не проходят бесследно!

Но теперь Подпись была какая-то чумазая, в пыли, а на боку прилепилась травинка.

Жарко светило солнце. Подпись, не задумываясь, сорвала шляпку гриба и нахлобучила на себя.

Она шла и озиралась по сторонам. Здесь всё было ново для неё и в то же время веяло чем-то давно забытым.

Подпись остановилась возле ромашки и невольно стала обрывать её лепестки, бормоча: «Любит, не любит...»

Она вдруг вспомнила, что есть на свете цветы, привольный луг, лес вдаль и солнце в небе. И тем не менее всё вокруг — так она видела — было серым, блёклым и чёрно-белым.

В первый миг ей, конечно, захотелось поставить на чём-нибудь — ну, хотя бы на ромашке — грозный оттиск своего кулака. Но последний лепесток взмыл вверх с обидной надписью: «Не любит!». Прямо так на нём и было написано от руки, а не отпечатано на машинке. Даже странно!..

Постепенно всё вокруг начало окрашиваться весёлыми, радужными тонами. Зазеленела трава. Цветы становились красными, голубыми, фиолетовыми. Над лугом повисла разноцветная радуга.

Подпись расслабилась, но, встряхнувшись от наваждения, опять приняла облик кулака. На него села бабочка. Подпись медленно разжала пальцы и застенчиво улыбнулась. Благо никто не видел.

Однако жизнь не стоит на месте. Она продолжается.

В тот же самый день Подпись, снова оказавшись в своём кабинете, грозно замахнулась кулаком на очередную деловую бумагу и неожиданно плавно опустила её на неё.

Что это?.. Вместо оттиска кулака с немыслимыми завитушками — луговая ромашка с разлетевшимися по всему листу брызгами — нежными лепестками.

Конечно, такое бывает. Но очень редко.

Чёрный кайзер

Сказка для дедушек

Два года моего детства прошли после войны в Германии, где служил отец. Была у меня там игрушка, вернее, статуэтка насупленного всадника с мечом на боку, в шлеме и латах. Он был с усами. Наверное, кайзер. Я с ним играл.

На старинном буфете шла изгибом широкая доска, над ней нависала горка с посудой. Я прятал всадника в тёмных нишах буфета, за округлыми краями доски, у стены, то слева, то справа. Он как-то сливался с темнотой в этих нишах, куда не проникал свет, — ведь он вместе с конём был вырезан из чёрной тяжёлой кости. До сих пор не знаю, бывает ли чёрная кость? Может, как-то окрашивают белую. Но он был чёрный, честное слово, и из кости!

Кайзер был очень недоволен такой игрой, он замыкался в надменной холодности, и мне казалось, что я вижу, как смотрят из темноты его холодные глаза. Ни осуждения, ни злости, ни возмущения — просто холодное отчуждение. Он и на ощупь-то был холодный.

Единственное человеческое чувство исходило от него — ему не нравилось со мной играть. Клянусь! Сразу видно, хотя он даже

и это скрывал. Он замкнулся в себе, в своих латах и, по-моему, нацелился на вечность, как памятник. Вот-вот, ему хотелось быть большим, стоять где-нибудь на площади, смотреть свысока на всех — а он всегда смотрел на меня свысока, хоть и был маленький, — и чтоб никто не смел даже и подумать играть с ним. Кто ж посмеет играть с памятником?

Но я не давал ему покоя. Предвкушая жаркие схватки, я выставлал против него рыцарей из саксонского фарфора с разноцветными хрупкими перьями на шлемах, с горящими глазами лошадей за дырками лобовой брони.

Встряхивая цветной упряжью и выставив вперёд белые копыя, со щитами в замысловатых гербах, звеня сбруей и цокая подковами, мчались они за угол буфета, где скрывался чёрный кайзер. И столько праздничного было в их неподвижном движении! Они были живые и, наверно, поэтому часто ломали в схватках свои копыя, теряли руки и ноги, и даже голову вместе с ликующим шлемом.

И их лошади тоже были не бессмертные, они даже без своего пышного хвоста, даже на трёх ногах рвались в бой.

Я уже говорил, что у чёрного кайзера был меч. Причём как настоящий — стальной, острый. Он вынимался из ножен — таков был секрет чёрного всадника. Мои родители и не подозревали о том, что меч можно вынуть.

Так что кайзер вполне мог постоять за себя в схватке с легкомысленными праздничными рыцарями.

Хозяйкой виллы, где мы жили, была фрау Гелька, которую мы всё звали Фрагелька, — вдова армейского полковника. Она всегда втягивала губы в рот и в немом раздражении мяла их там, когда видела мои игры. Игры победителя с побеждёнными.

И странно, казалось, не плачевная судьба фарфоровых рыцарей волновала её, хотя, конечно же, волновала. Она каждый раз с беспокойством как бы проверяла, по-прежнему ли стоек в своей костяной незыблемости чёрный кайзер, не сдался ли и он. Такие у неё были глаза, когда я брал его, холодно-обтекаемого со всех сторон.

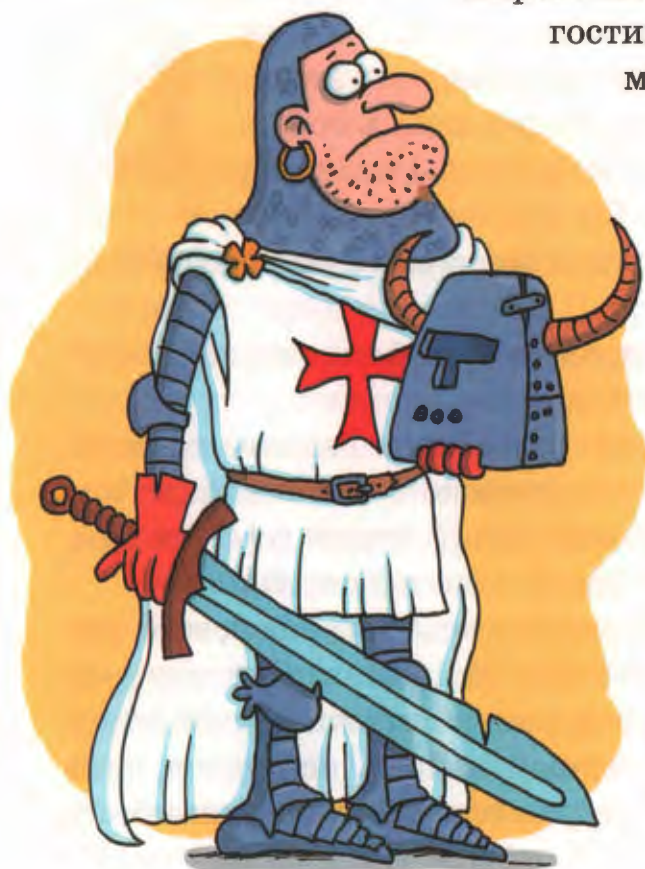
Я увёз в Россию всех: и пострадавших в боях фарфоровых рыцарей, и надмирного чёрного кайзера. Он очень не хотел уезжать. Я впервые увидел, как он волнуется. Он всё время пытался потеряться, но я его находил. Он вываливался из коробки, в которую я его клал, и сердито топорщил усы.

Дома, на моей родине, в Кашире, фарфоровые искалеченные рыцари по-прежнему с пламенным восторгом сражались на своих турнирах, а чёрный кайзер сразу потускнел, посерел, от его надменности не осталось и следа, а если он и важничал по привычке, то это чувствовалось.

Бедный, растерянный, заблудившийся вдали от дома чёрный всадник... Он был похож на конную статую, снятую с постамента. Я его жалел.

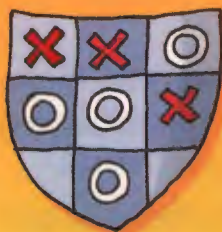
Ему было неудобно в полуподвальной тесной комнате, где мы теперь жили, и он нелепо выглядел на резной фанерной этажерке. Ему не хватало высокой просторной

гостиной с мерцающими стеклянными поленьями в пещере электрокамина, тяжёлых дубовых готических шкафов с книгами в кожаных переплётах — все картинки в них про разные войны. Он тосковал по буфету, напоминающему замок своими стрельчатыми оконцами и башенками, тосковал по блестящему паркету, хрустальной люстре и узорным тарелкам на стенах, обшитых дубовыми панелями.

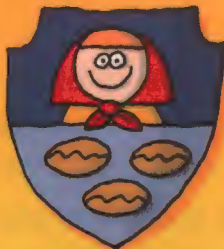

К какому ордену
принадлежит
этот храбрый рыцарь?

(ответ: Рот и колпак)

**Орден
Крестики-нолики**

**Орден
Машенька и Медведь**

**Орден Камня,
ножниц и бумаги**

**Орден Дружбы
народов**

**Орден
Красной шапочки**

**Орден
Рога и копыта**

**Орден
Царевны-лягушки**

**Орден Отчаянных
домохозяек**

**Орден Весёлого
дракончика**

**Орден
Чики-пуки**

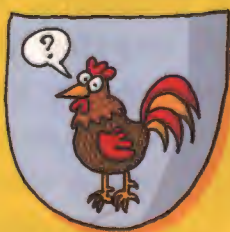
**Орден Мудрой
вороны**

**Орден Золотого
ключика**

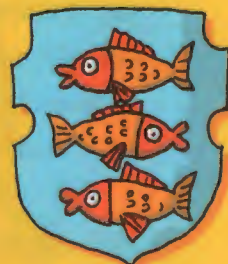
**Орден
Однотрунной
лютни**

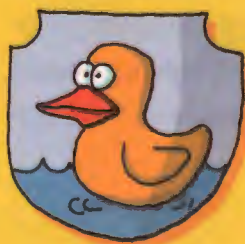
**Орден
Любопытного петуха**

**Орден Шута
горохового**

**Орден Трёх
пескарей**

**Орден
Резиновой утки**

**Орден
Кнута и пряника**

**Орден
Нарезного батона**

**Орден
Упрямого барана**

И поначалу ему, наверное, снилась уютная улочка за большим окном виллы — Линденштрассе, что означало — Липовая аллея.

Да, мне было жалко его. И он это стал понимать. Он всё время подвёртывался мне под руку, как собачка, которой хочется, чтобы её погладили. Но, заметьте, как чужая собака. Она потеряла родного хозяина и вынуждена жить с другим, она виляет хвостом, но в глазах — тоска.

И я его наконец понял. Вся его прежняя неприступность и надмирность была ложью: под латами, холодными глазами и колючим разлётом усов скрывался обыкновенный бюргер, обыватель, уставший от подвигов серенький человечек, мечтающий о тихих вечерах у фальшивого камина, в мягких шлёпанцах, в халате и фланелевом белье, с кружечкой пива в руке. А кружка та — непременно с крышечкой, чтобы пиво не выдыхалось, потому что пить ту кружку он будет долго.

И я сразу потерял к нему интерес. Я поставил его рядом с деревянным толстячком, тоже немецким: он в шляпе, в плотном пальто, с сигарой в зубах, щёки лежат на воротнике, в руках два непустых чемодана. Он идёт на вокзал и экономит на носильщике. Он хочет казаться богатым, но он не богат.

Эта фигурка тоже была с секретом. Нет-нет, чемоданы у него не отсоединялись, он не хотел их отдавать. И не открывались, он не желал показывать, что там, внутри. И шляпа никак не снималась. Зато вдруг легко вынималась у него сигара изо рта, так же как и меч из ножен у чёрного всадника.

И теперь господинчик с чемоданами и чёрный кайзер целыми днями вели разговор о том, как придут на вокзал — кайзер, по-моему, готов был даже расстаться с лошадью — и уедут в Германию, где на каждой станции бравые железнодорожные начальники зычно кричат: «Абфарен!» — «Отправление!» И они вдвоём — кайзер, правда, относился к своему вынужденному соседу с высокомерием — сердито косились на весёлых фарфоровых рыцарей, забывших о том, что «Дойчланд юбер аллес!» — «Германия превыше всего!»

А может быть, те рыцари изображали французов? Я в гербах на щитах не разбирался и не разбираюсь.

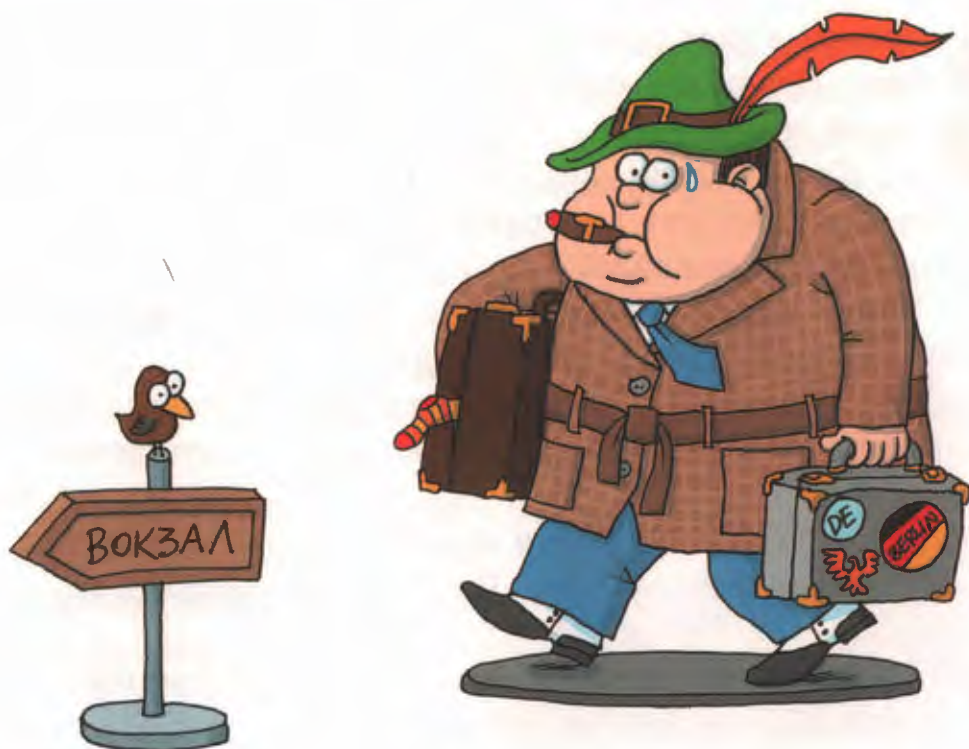
Неистовые рыцари в конце концов разбились.

Кайзера украла хозяйка, у которой мы снимали комнату в полуподвале, и кому-то подарила.

А толстый господин с чемоданами попросту исчез. Вероятно, он всё-таки уехал. Уж очень он решительно шагал на вокзал, с самого своего дня рождения.

Но чёрный кайзер — штука посложнее. Возможно, стоит он у кого-то на кружевной салфетке впереди разнокалиберных мраморных слоников и, наверно, думает о том, что покоряет Индию и латы снимать ещё рановато. А сам втайне мечтает о тихих вечерах у своего камина.

Разве он не завоевал себе такую счастливую жизнь?!

Столик с позолотой

Вечером в дом привезли лакированный, с позолотой Столик. Несли его бережно, как тонкое стекло, он был дорогой и красивый.

Коту Ваське, который на правах старожила вышел встречать покупку, тут же грубо сказали:

— Брысь! Не мешайся!

Вот какое важное значение придавали хозяева этому Столику, если так отнеслись к своему любимцу коту.

Столик поставили в центре гостиной. Он упёрся своими точёными изогнутыми ножками в коврик и огляделся по сторонам.

«Какая кругом безвкусная старая мебель! — подумал он. — И придётся здесь прозябать. Да тут и поговорить-то, видимо, не с кем».

И Столик, слегка затуманившись, принял томный вид, который, как он считал, ему очень идёт.

Когда наступила ночь, все вещи в комнате зашептались между собой:

— Какой изящный Столик!.. Какие у него красивые изогнутые ноги!.. Как он блестит и переливается в лунном свете!.. А сколько он, наверно, знает интересного!

Каждую ночь вещи рассказывали друг другу всякие истории, которые случились с ними, или на их глазах, или когда-то были услышаны.

Робко глянув на сверкающий в лунном свете Столик, пугатый старый Кувшин, стоящий на буфете, звонко кашлянул и начал:

— А знаете, что я видел, когда был на даче? У наших соседей была курица-пеструшка. Она считала себя красавицей и только и делала, что смотрелась в лужи, любуясь собой и прихорашивая пёрышки. Я это видел с подоконника, где обычно стоял. Но она, между прочим, забывала нести яйца и поэтому попала в суп! — Кувшин очень любил поучительные истории.

— Да-а, да-а, — глубокомысленно закричали все.

А Столик презрительно хмыкнул.

Хрустальная Чернильница строго посмотрела на него. Все признавали её даже умнее глубокого Кувшина — ведь люди извлекают из неё так много мыслей. Да и сама Чернильница так считала.

— Это что! Знаете историю про курицу с золотыми яйцами? — спросила она.

— Нет, нет! — запрыгал в углу скрипучий детский Стульчик.

Чернильница неодобрительно взглянула и на него и продолжила:

— Так вот. Жила-была курица, и несла она золотые яйца. А неграмотная хозяйка ругала её и сажала на них высиживать птенцов. Но птенцов нет и нет! И по вине глупой, необразованной хозяйки эта курица тоже попала в суп.

С тех пор курицы не несут золотых яиц, — сверкнув своими гранями, закончила Чернильница.

— Все курицы рано или поздно попадают в суп, — изрёк мудрый кот Васька.

Он по ночам любил лежать на диване и слушать, о чём беседуют вещи.

Из-за толстой ножки Буфета высунулся чайный Стакан. Был он с трещиной, и друзья скрывали его от хозяев, чтобы не выбросили.

— Я тоже знаю историю, — надтреснуто зазвенел Стакан. — Шли два барана через речку по узкому мостику навстречу друг другу...

Тут он умолк и задумался, у него из-за этой трещины бывали приступы забывчивости.

— А дальше? А дальше? — вновь запрыгал в углу детский Стульчик.

— А дальше... — сказал Стакан. — Я лучше расскажу вам другую любопытную историю. Однажды на озере — я сам был когда-то озёрным песком — лягушата увидели у берега красивую птицу на длинных ногах. Они радостно поскакали к ней и закричали: «Ах, какая птица! Надо рассмотреть её поближе!» Птица оказалась цаплей и проглотила их. Вот к чему приводит дурацкое любопытство!

И Стакан укоризненно поглядел на детский Стульчик. Тот со стыда спрятался в тёмном углу.

— Да, ты не закончил историю про баранов, — тихим басом напомнил старомодный Буфет. — Я тоже знаю её.

— Расскажи вместо меня. Я уже устал, — хрипло отозвался Стакан.

Буфет расправил хрустнувшие плечи.

— Так, значит, шли два барана навстречу друг другу по узкому мостику. Никак разминуться нельзя! Что делать? Один из них вдруг вернулся назад и уступил дорогу. И всё потому, что, хотя они и бараны, но читали о тех упрямях, которые в конце концов свалились в реку и утонули.

— Замечательно, — проскрипел книжный Шкаф. — Я всегда говорил, что от чтения только польза, только польза.

— Меня начали грызть мыши, — внезапно ни с того ни с сего пожаловался коту письменный Стол. — У меня в нижнем ящике лежит свечка.

Васька важно расправил усы:

— Я им ещё покажу-у!.. Я рассказывал вам про глупого мышонка? Нет? Ну вот, жил мышонок. Узнав, что кот — заклятый враг мышей, он коварно напал на него сзади и — р-раз — крепко схватил за хвост. «Что, попался! Теперь от меня не уйдёшь!» — вскричал он. Больше он вообще ничего не сказал!

— Сегодня кот в ударе, — сплетничала Пепельница со своими Окурками, — то есть в угаре, — поправилась она.

— А знаете, у Столика очень модный цвет, — неожиданно заявил Коврик-подхалим. — И он такой лёгкий!

Как помните, Столик стоял на Коврике, попирая его всеми четырьмя ногами.

— Много ты понимаешь в моде! — подмигнула настольная Лампа. — Один олень услышал, что модно ходить без рогов.

И избавился от них. А после этого от него ушла олениха к другому, с рогами. Вот к чему приводит погоня за модой!

— Конечно, конечно, — прошелестели Шторы. — Нам в коммерческом магазине как-то рассказывала одна медвежья шкура о своей жизни, когда она была медведем. Он тоже решил всех удивить. И стал спать летом, а гулять зимой. Сами понимаете, что из этого вышло.

— Собаки — тоже модницы, — заявил кот Васька. — Стригутся, попонки носят! И вообще, зачем только существуют на свете собаки?

— Ты бы лучше спросил, зачем существуют коты! — задрезжал аптечный Шкафчик. — Кто это вчера ночью напился валерьянки, а потом очумело носился по комнате?

— Да-да, — прозвенел за стеклом Пузырёк валерьянки. — Всего на донышке оставил. Если я буду совсем пустой, меня выкинут на помойку!

Кот насупился, поджал хвост и виновато сказал, что он выпил совсем чуть-чуть, да и то в последний раз.

— Знаем мы эти последние!.. — негодовал аптечный Шкафчик. — Хотел я промолчать, но не выдержал, когда ты прошёлся по собакам. Уж они-то, во всяком случае, валерьянку не пьют! Да-с, — подытожил он серьёзным врачебным тоном. — Она действует на мозг, сердце и мышечную полость живота.

— Мышечную? — растерялся кот Васька.

— Мышечную, — не поняв его, подтвердил Шкафчик. — На то я и аптечный, чтобы знать. Точно, как в аптеке!

Из угла появился забытый Веник, вежливо расшаркался и добродушно заявил, что если кот Васька не прекратит творить безобразия, то он, Веник, вычистит всю пыль вместе с блохами из его боков.

Кот решил замять этот разговор и поспешно перевёл его на другую тему:

— А знаете, почему у бульдогов нет хвостов?

— Ты нам зубы не заговаривай, не увиливай! — зашумели было все, но умолкли. Ведь и вправду интересно узнать: почему бульдоги — бесхвостые.

А знаете,
почему
у Бульдогов
НЕТ ХВОСТОВ?

— Все вы знаете, что бульдоги очень похожи на людей, особенно белые бульдоги. И шерсть у них гладкая и короткая, будто совсем нет, и морды квадратные, и лбы нахмуренные.

— Вылитый портрет нашего хозяина, — шепнул Кувшин маленькой Вазочке, стоявшей рядом.

Она захихикала.

— Кончайте свои шурры-мурры! — прикрикнул кот Васька, приободрённый общим вниманием.

— Тсс, — зашикали все.

— Бульдоги до того зазнались, — продолжал кот, — что на всех собак — да что там собак! — на всех крупных домашних и не домашних животных стали гордо смотреть свысока, хотя и снизу. Одно им только мешало походить на человека — хвост. Так они считали. У человека ведь нет хвоста. Во всяком случае, я его не видел.

— Это спорный вопрос, — буркнул кто-то.

Но кот пропустил это замечание мимо ушей.

— Вот и отрубили себе бульдоги хвосты. И теперь они и не люди, и не собаки. Собаки не считают их за собак, а люди — за людей. Теперь они так, серединка на половинку.

— И коты бывают глупые, — неожиданно подал голос детский Стульчик.

Наступила удивлённая тишина — даже сам кот оторопел, — и осмелевший Стульчик выступил вперёд. Когда-то ещё совсем юный Васька точил о его ноги свои когти, и Стульчик, по видимому, не забыл обиду.

— Один избалованный кот, — повысил свой голосок детский Стульчик, — не помню имя, кажется, Василий или ещё какое-то, — жил у одинокой старушки. Вообще все коты — избалованные. Ну, а этот был ого какой! Он ел только рыбу, а пил только молоко!

— Не про меня, — облегчённо вздохнул кот Васька. — Такого у нас не дождёшься!

— До того обленился кот, — улыбнулся детский Стульчик, — что совсем не ловил мышей. Их ему ловила бабушка по ночам и подавала поджаренными на сливочном масле. Но однажды она

куда-то уехала, а этого, как его, пусть Ваську, оставила племяннице. А та считала, что коты обязательно должны ловить мышей. Но кот день и ночь лежал на диване и орал от голода. А кругом по ночам бегали большие и маленькие вкусные мыши. Так он и загнулся с голоду. По-моему, его всё-таки звали Васька.

Кот Васька взвыл, спрыгнул на пол и выпустил когти. Плохо бы пришлось детскому Стульчику. Но тут позолоченный Столик вдруг изящно скрипнул и сказал певучим голосом:

— Че-пу-ха-а! Всё, что вы рассказывали, — ерунда. А вот я вам расскажу...

Стало так тихо, что было громко слышно, как поёт сверчок за стеной в другой квартире.

Столик думал, думал, потрескивая, но ничего не придумал. Да и вспомнить он ничего не мог, потому что ничего не знал. Он только что приехал с фабрики. И даже когда он ехал наверху, в кузове машины, то ничего не увидел по пути, так как слишком заботился о своём глянце и своей позолоте.

Разъярённый кот Васька бросился на Столик и, не думая о последствиях, нещадно исцарапал ему весь его лак с позолотой. Как говорится, навёл глянец!

Лишь одно хорошее сделал Столик — спас детский Стульчик от кошачьей расправы. Да и то невольно.

— А ноги-то у него вовсе и не изогнутые, а кривые, — вдруг заметил чайный Стакан.

Упрямые Календари

Ж

или-поживали Настенный отрывной календарь и Настольный перекидной календарь.

Понятно, что один висел на стене, другой лежал на столе. И уже только из-за этого между ними, соперниками, по ночам возникала нешуточная перепалка.

— Кто важнее? — унижал Настенный календарь своего Настольного собрата. — Конечно же я! Недаром для меня выбрали самое видное высокое место!

— Нет, я важнее! — упорствовал календарь Настольный. — Мне выделили самое выгодное место, такое, чтобы я всё время был под рукой!

— Когда люди просыпаются, — упорствовал Настенный, — они первым делом на меня смотрят. Иначе они бы не знали, какой сегодня день!

— Сначала отрывают листок, а потом уже смотрят, — уточнил соперник. — Зато ты не можешь, как я, показывать сразу всю неделю!

— А кому это нужно? Так можно в днях запутаться. А у меня оторвут листок, и сразу увидят, какое число и какой день недели! Понял, неуч?

С Настенным календарём было трудно спорить. Каждый день он сообщал что-то новое. Взять хотя бы те же праздники. Настольный всего лишь отмечал красным цветом числа, а Настенный, кроме того, ещё и кратко рассказывал, что это за праздники, почему они возникли, и даже о том, как их отмечают в разных странах.

Но это далеко не всё, о чём мог поведать толстый Настенный календарь. На обороте каждого листка у него были припасены для любознательных то сказки, то стихи, то всевозможные полезные советы.

Он знал всё на свете, вплоть до того, как хранить лыжи летом, как правильно соблюдать режим дня, как солить капусту, как искать брод на незнакомой реке, как вялить рыбу, как морить тараканов, как бороться с молью, как приготовить молочный суп, как заклеивать зимой оконные рамы...

Настенный календарь так и сыпал народными пословицами и изречениями древних и не древних мудрецов:

— Дружно за мир стоять — войны не бывать. «Большая сила — мнение народное» — Эсхил. «Не греет солнце на чужбине» — Шевченко. «На свете нет малых народов» — Гюго. «Люди перестают мыслить, когда перестают читать» — Дидро. Понял? А вот меня люди каждый день читают! — хвалился Настенный календарь и продолжал: — «...Полное невежество приводит к полному отупению...» — Гельвеций. Это про тебя говорится, — язвил он.

Нередко он задавал Настольному календарю такие вопросы, которые поставили бы в тупик даже образованного человека, а не то что какой-то Настольный календарь, тем более перекидной.

— А ты знаешь, какой самый красивый водопад в Армении?.. Шакинский! Чему равняется год планеты Юпитер?.. Он равен двенадцати земным годам, а сутки там — очень короткие, всего десять часов!.. Сколько времени можно держать форточку открытой в холодную погоду?.. Десять-пятнадцать минут! Кто автор книги «Сказки о Хоме»?.. Альберт Иванов! То-то!

Воистину познания его были безграничны. Он знал даже то, что сусликов лучше всего ловить капканами № 0 и № 1.

Эти «суслики» вконец замучили Настольный календарь. Ему не раз снились капканы № 0 и особенно № 1, хотя он и не знал, как они в точности выглядят. Но снились они — страшными!..

Однако и у Настольного календаря было что ответить своему сопернику:

— Вот у тебя листки грубо отрывают, один за одним, а у меня бережно переворачивают всю страницу, когда очередная неделя заканчивается! И вообще глянь на себя: ты с каждым днём становишься тоньше и тоньше...

— Работаю на износ, — ворчал Настенный календарь. Эта проблема тоже стала его беспокоить в последнее время.

— Можно легко вычислить, когда ты совсем исчезнешь! — неумолимо продолжал Настольный календарь.

Несерьёзный

КАЛЕНДАРЬ

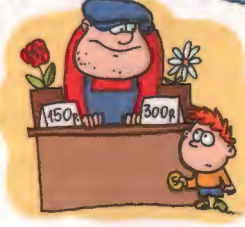
Старый Новый год

13
Январь

День святого Валентина

14
Февраль

День продавцов цветов

8
Март

Выходной у клоунов

1
Апрель

День труда

1
Май

День рождения А. С. Пушкина

6
Июнь

День Морского Флота

1
Июль

День физкультурника

14
Август

Пора в школу!

1
Сентябрь

День учителя

5
Октябрь

День народного единства

4
Ноябрь

День Деда Мороза

31
Декабрь

Самостоятельно дорисуй пустые листки календаря.

— Ну и пусть исчезну! Зато войду в века!

А Настольный продолжал насмехаться:

— Ты опять стал тоньше. Что с тобой? Может, ты худеешь с испугу? А глянь на меня — я всё такой же!

И зачастую злорадно упрекал:

— Не спорю, ты много знаешь. Вернее, знал. С каждым прошедшим днём ты знаешь меньше и меньше. Но главное, даже в твои лучшие дни ты совершенно не знал жизни. А вот я всегда в гуще событий. У меня каждый день расписан по часам: кому позвонить, о чём поговорить, когда и с кем встретиться, куда поехать, что надо сделать. Ну куда тебе со мной равняться!

Так прошёл год. У Настенного календаря остался последний листок — 31 декабря.

В доме царила предновогодняя весёлая суматоха, а Настенный календарь тоскливо думал: «Почти ничего от меня не осталось. Кончаюсь... Неужели Настольный календарь был прав? Вон он лежит на столе — весь целёхонький!..»

А Настольный календарь с удовлетворением размышлял: «Итак, подведём итоги года. Я всё-таки оказался и умнее, и нужнее. Жаль, конечно, соперника. Но что поделаешь? Такова жизнь!»

Последний листок Настенного календаря продержался до следующего дня.

Его увидели, раздались голоса:

— Глядите! Последний листок остался! Старый год заглядывает к нам из прошлого!.. А ведь признайтесь, неплохой был год, хоть в нём и плохое случилось!

Листок сорвали и выбросили.

Но и Настольный календарь в тот же день куда-то выкинули. Напрасно он бахвалился.

И вообще зря они, календари, спорили. Оба они недаром прожили свою жизнь вместе с ушедшим годом. И прожили её, как признались сами люди, неплохо.

Чудные- страшные

Как-то выскочила Авторучка из верхнего карманчика пиджака и решила путешествовать. Подзаправилась чернилами, закрутила поплотнее колпачок и отправилась в путь-дорогу.

Долго ль шла или мало, пришла она в дремучий сыр-бор. А уже ночь вокруг. Темно, деревья скрипят, совы кричат, волки воют.

Всплакнула она, пригорюнилась: «Бедная я, бедная. Мне бы в уютном карманчике сидеть. А я, ишь, чего захотела!»

Повернула она назад и заблудилась. Ходила она, ходила, спотыкаясь. Чуть колпак не потеряла, чуть перо не сломала.

Но вот увидела она вдали огонёк. Искрится, мигает. Ближе и ближе.

Избушка перед ней. Маленькое чёрное окошко.

Подошла Авторучка. Войти? Боязно ей. Но в лесу ещё страшнее. Дёрнула она дверь, а дверь как заскрипит: тр-ррр!..

Задрожала Авторучка, но вошла всё ж на цыпочках в сени, а затем — и в тёмную горницу.

— Ух! — вскрикнул кто-то рядом.

Упала Авторучка, зацеп погнула. А это сова за окном на свидание к сычу спешит.

Выкатилась из-за тучки луна, осветила комнату. И видит Авторучка, батюшки мои, горница-то — совсем круглая, как яблоко. Стол, свеча стоит новая, пудовая. И ни души...

Влезла Авторучка на стол. Там бумага стопой лежит. Чистая.

Огляделась Авторучка и легла на бумагу, как на постель. Поуспокоилась. Ведь и спать пора.

Вдруг на печи кто-то как зашуршит, как зашумит, как закричит голосом нечеловеческим!

Авторучка с перепугу даже протекать стала.

Соскочило с печи чудище-страшилище, в тулупе шерстью наружу, да как заорёт, словно в бочку:

— Ага! Попалась, лентяйка!

Только Авторучку и видели.

Очнулась в поле. Бежит... А вдали огни сверкают. Город. Трамвайчики мелькают.

Прибежала она домой, залезла в пиджак. Счастливая: вот и снова на месте, тепло и подкладка шёлковая. И сова на столе — не живая, а деревянная. Хорошо.

А того не понимала Авторучка, как ей недавно повезло. Попала в сказку! Но убежала, глупая. А то бы она нам потом столько всего про чудеса написала!

Да и не потом, и не где-то, а сразу, прямо там. На той бумаге. И спички можно было бы поискать, чтоб ту свечу зажечь. Новую, пудовую. Надолго бы хватило.

В комнате появился новый жилец.

— Его привезли с толкучки, — сообщил всем по секрету зонт хозяина, лежавший для просушки раскрытым на полу.

— Что это? Круглый, как стол, и на трёх ногах. Калека, что ли? Странный жилец, — решили стулья.

Обеденный стол с лёгким треском переступил с ноги на ногу, потому что долго стоял неподвижно и его пятки прилипли к полу.

— Ну какой он круглый?! — неприязненно разглядывал он новичка. — Это я круглый, а у него, гляньте-ка, диаметр меньше двух радиусов. И вообще я полагаю: это не жилец, а квартирант!

Всесторонне образованный стол гордо умолк. Молчание — золото. Тем более, он был стол не простой, а раздвижной. Но, конечно, с такими-то познаниями ему бы следовало быть не обеденным, а письменным столом. Хозяин нередко занимался на

нём черчением. Вот, наверно, откуда такие познания. На пустом месте ничего не бывает.

— А вы заметили, какой он чёрный! — подала голос белая люстра. — Наверно, он из Африки! — Она так и зажглась. — Ах, как интересно! Он...

— Алло! Алло! — перебил её телефон. — По-моему, это всё же стул.

Все заспорили, поднялся невообразимый шум! Стеклянная вазочка на комодке перепугалась и задрожала, придвигаясь всё ближе к краю.

— Я разобьюсь! Я разобьюсь!

И тут странное существо заявило приятным баском:

— К чему раздоры? Конечно, я стул, но я особый стул. Музыкальный. Вот фабричный штамп сохранился, если не верите. К тому же первый сорт!

— А я выдерживаю сразу троих! — вдруг ни с того ни с сего похвалилось кресло.

— Чушь, — заявил Музыкальный стул. — Вот когда я недавно играл Бетховена...

С этой минуты он затмил всех. Даже многоопытный шкаф притих, а ведь раньше так увлекательно рассказывал о лесопилке и циркулярной пиле, что все повизгивали от испуга.

И теперь, когда кто-нибудь хоть о чём-нибудь пытался спорить с Музыкальным стулом, тот всегда ставил зазнайку на место:

— А вы знаете симфоническую сказку «Петя и волк» Прокофьева? — важно спрашивал он, и противник сразу бывал разгромлен наголову.

Но самый большой триумф наступил, когда привезли пианино. Бывает ведь, что хомут покупают по случаю раньше лошади. Так произошло и со стулом, который появился здесь раньше самого пианино. Оно было тоже подержанное, зато громкое! Оно играло само по себе, даже когда его ещё только несли.

— Его купили для меня, — тонко проскрипел Музыкальный стул. — А не то я могу разучиться играть. В последнее время я с трудом брал ре-мажор-си-бемоль.

В тот же день случилось и новое чудо. Музыкальный стул начал высокомерно вращаться. Становился всё выше. Затем опускался, снова поднимался. И мелодично поскрипывал.

— Да-да, вы уже, наверное, догадались, — небрежно заметил он. — Вы правы. Несколько лет назад я даже танцевал в Большом театре: балансе направо, антраша налево, верхний пируэт, нижний разворот — и всё такое!

— Какая одарённая личность! Мне прямо страшно! Ах! — звякнула люстра.

Каждое утро на пианино стала играть маленькая девочка, и Музыкальный стул потом уверял всех, что обучает её.

— Самому играть некогда. Я думаю. Размышляю. Фантазирую. Сочиняю!

Он пищал, скрипел и вращался.

Неожиданно у него появился соперник, новенький пузатый чайник с чёрной пуговкой на лысой макушке. Когда вода закипала, он пел пронзительным голосом о своей дружбе с аристократом кофейником. Его голос был такой звонкий и сильный, что было слышно даже на балконе.

Первое время Музыкальный стул пытался его перепищать, но потом сдался. Но он навёрстывал своё, когда чайник снимали с плиты.

— Пронзительная бездарность, — так нетерпимо отзывался он о нём. — Одним словом — чайник!

И опять скрипел и вращался.

— Талант! — почтительно говорили все.

А девочка с каждым днём играла лучше и лучше, и стул был сам не свой от похвал, которые ему расточали.

— Это что!.. — скромничал он. — Скоро мы будем разучивать «Танец маленьких лебедей».

Все были в восторге.

— Тёплое участие! Сильное, горячее стремление! Огненная страсть! — восклицал, распаляясь, утюг. — Искромётный дар!

А стулья и вовсе расхвастались:

— Ещё бы! Это же стул, а не что-нибудь! Наш родственник!

Лишь коридорный абажур, который вечно стучал краски, загадочно заметил в полуоткрытую дверь:

— Выше головы не прыгнешь.

И словно накаркал.

Однажды Музыкальный стул, бешено вращаясь и со скрипом подпевая, изображал «Танец с саблями». И вдруг, взяв самое высокое «фа», сорвал себе резьбу! Мало того, он превзошёл сам себя — сиденье с винтом так и вылетело из подставки!

— Ну, что я говорил, — закачался абажур.

Старый стул увезли и привезли другой музыкальный стул, новый и красивый.

Все неприязненно косились на него.

— Ну вот, — ворчали гостинные стулья. — Разве это музыкальный стул? Вот раньше был стул. Сломали ему жизнь, замутили, довели.

— Судьба таланта, — вздыхала люстра.

— И играл, и пел, и танцевал, — сокрушался стол. Да так, что чуть было сам не сокрушился от огорчения. Даже ножки затрещали.

— А как замечательно играет наша маленькая хозяйка! Это он её научил! А теперь, видите, уже не новичок её учит, а она — его! — переживали все. — До чего тупой!

— Талантам нет места в этом мире, — шептались в каждом углу.

А новый стул молча делал своё дело. Он знал своё место.

Мудрое Окно

Это было обыкновенное Окно, с небольшой форточкой. Жило оно на третьем этаже старого деревянного дома и смотрело на улицу. Оно было одиноко, и не с кем было ему перемолвиться, кроме как с глуповатыми воробьями.

Внизу жила улица. Говорила, шумела. А это так интересно! Окно стало любопытным. Что же ещё делать в подобном случае? Правда, оно не сплетничало в отличие от хозяйки квартиры, которая часто простаивала у форточки, наблюдая жизнь соседей напротив. Но прошло время, и Окно устало. Надоело смотреть на улицу. Захотелось покоя.

— Такая суeta не по мне, — поскрипывая на ветру, жаловалось оно воробьям, — шум, гам, крик. К чему? Ах, как я завидую окнам, выходящим во двор! Тишина. Покой. И пчёлы жужжат над цветами...

Воробьи из приличия сочувствовали ему.

— Бедняга! Как тебе тяжело!

А сами они были другого мнения. Они любили улицу. Любили машины и трамваи, шумные базары, редкостных теперь лошадей и их тёплый навоз. Но они не возражали Окну. Воробьи

уважали его. Может быть, за то, что оно говорило так умно. Кто знает? Ведь если столько лет непрерывно смотреть на улицу, поневоле станешь мудрым.

Как и все мудрецы, Окно любило поразмышлять. Иногда этому мешала хозяйка, протирая его влажной тряпкой, и тогда оно недовольно ворчало. А воробьи испуганно отлетали на ближайшее дерево.

Каждый день, летя на базар, они останавливались передохнуть на знакомом подоконнике и привычно выслушивали очередные откровения.

— Главное, вовремя уйти в тишину, в себя... Ну вот, пустили по нашей улице ещё один троллейбус. Я трясусь от страха при его гуле. А сколько пыли садится на моё блестящее тело! Говорят, здесь будут прокладывать газ. Ни минуты покоя!

Воробьи скучно кивали своими взъерошенными головками. Хотя они и насквозь его видели, но им было всё непонятно. И думали: не переменить ли им подоконник.

Дни бежали за днями. Люди, как всегда, проходили внизу на работу. Автобусы проносились по своим маршрутам.

Как-то внизу Окно увидело нескольких человек. Они стояли с развёрнутым чертежом, показывали пальцами на дом и громко смеялись.

«Может, надо мной смеются?» — заволновалось Окно.

Придирчиво оглядело себя — всё в порядке, даже ни одной нахальной мухи. Люди ушли, но оно чувствовало: что-то должно случиться.

На следующий день начали выезжать жильцы. Старый дом решили снести. Хозяйка суежилась в комнате, и Окно слышало, как она восклицала:

— Мы переезжаем! Чудесно! Ах! Ах! Наконец-то эту развалюху снесут!

Окно разволновалось ещё больше: «А что будет со мной?»

Но страхи его были напрасны. Где-то внизу решили, что окна ещё пригодятся. Их можно продать, они были вполне приличные, хоть и старые. Но зато и старой отличной работы.

Вскоре все окна бережно вынули и перенесли в тёмный сарай во дворе. И теперь Окно вздохнуло с облегчением:

— А здесь неплохо. Тишина и покой.

Но всё же долгожданного покоя оно не получило. Теперь каждую ночь по нему то и дело пробежали зубастые крысы, волоча длинные грязные хвосты. Часто они оскальзывались, и Окно постоянно боялось за своё стекло. И тишина исчезла! Целыми днями что-то гудело, скрежетало, стучало за тонкими дощатыми стенами.

Про окна, наверно, забыли. Но вот миновал год, не меньше. И вдруг однажды заскрипели двери, ворвалось солнце.

Окно онемело от удивления, увидев на месте прежнего дома белую многоэтажку. Во дворе лежали новые окна.

Оно сочувственно поглядело на них: «Им небось хочется выходить на улицу. Ну что они знают о жизни!»

Старые окна погрузили на машину, аккуратно перевязали и повезли.

Уплывали назад дома, они становились всё ниже. Потянулась городская окраина с одноэтажными домиками.

Машина остановилась. Наше Окно сгрузили, а машина поехала дальше.

Какая приятная неожиданность! Окно вставили в новую пристройку к домику, и оно стало выходить на палисадник с пышными цветами в тенистом дворе.

«Замечательно! Такая здесь тишина! Как мне спокойно, я это заслужило!» — ликовало Окно.

На подоконник вспрыгнул толстый лохматый кот. Окно даже вспотело от радости:

— У меня теперь собственный кот!

Оно тихо зазвенело от удовольствия и — трррах! — разбилось вдребезги. В комнату влетел тяжёлый футбольный мяч.

Подняв хвост трубой, кот удрал на кухню. Со двора доносились испуганные ребячьи голоса.

И тихо жужжали пчёлы над цветами.

Гвоздь без шляпки

Молоток сильно ударил по Гвоздю, и шляпка отлетела. — Ой-ёй! — закричал Гвоздь. — Какое безобразие — сбивать головные уборы, да ещё без спросу! Ваше счастье, что я не какая-нибудь там канцелярская кнопка, для которой шляпка дороже головы!

Но его никто не слушал. Такие гвозди обычно выбрасывают, и его выбросили.

На своё счастье, он упал в ящик для инструмента, большой, как город.

Первое время Гвоздь без шляпки лежал неподвижно, осваиваясь, а затем огляделся по сторонам.

— Извините, куда я попал? — вежливо спросил он у блестящего Шурупа.

Тот с удивлением посмотрел на гостя.

— Ого! — воскликнул он. — Да здесь новенький!

И так как незнакомец был без шляпки, Шуруп не понял, что это гвоздь, и спросил:

— А вы кто?

— Я — Гвоздь!

— Без шляпки-то? — рассмеялся лежащий рядом Гвоздь со шляпкой.

— Сейчас так модно ходить.

— Ходить-то, может, и модно, а работать — нет!

В этом инструментальном ящике-городе все трудились. Один за другим покидали его, уходя на работу, клещи и плоскогубцы, молотки и зубила, гвозди и шурупы.

Гвоздь без шляпки оказался совсем ненужным. Его всегда раздражённо отодвигали в сторону, когда искали что-то нужное.

В городе насмехались над ним. Ещё бы, единственный бездельник.

— Инвалид! Калека! Урод!

Не все, конечно, его обижали. Но уж, во всяком случае, никто не собирался ему хоть как-то помочь. Один только Напильник, которого все считали грубым, жестоким, пожалел его.

— А может, тебя обтесать, заострить как следует? — однажды призадумался он. — А то ты какой-то не слишком остроумный и скучный.

И, не долго думая, отшлифовал и плавно заострил Гвоздь без шляпки.

— Может, теперь на что-нибудь сгодишься!.. А ты — молоток! — похвалил его Напильник. — Держался достойно, не очень пищал.

— Кто-кто? — разобиделся его сосед Молоток. — Нашёл с кем меня сравнивать! — И проворчал: — Не с его носом со мной тягаться. Он такой же Молоток, как я — шило.

— И ты — молоток, — похвалил его Напильник.

— Без тебя знаю!

— Ты — молоток не потому, что твоё имя — Молоток, а потому, что ты — молодчина. Нашёл ты ему занятие и по его носу. Сам увидишь!

И правда, попался вскоре неузнаваемый Гвоздь без шляпки под руку мастеру. Повертели его так и сяк, осмотрели... Насадил на деревянную ручку, и получилось отличное острое Шило.

— Что я говорил? — торжествовал Напильник. — Рано его никудышным посчитали. Как говорится, шила в мешке не утаишь.

— У нас ящик, а не мешок, — завистливо сказал Гвоздь со шляпкой. Ведь таких, как он, было много, а Шило-то — одно.

— Ну, пусть будет ящик, — великодушно согласился Напильник, любивший поострить. — Однако в ящик он не сыграл!

— Молодчина, — сдержанно похвалил новое Шило важный Молоток. И себя не забыл: — Это я ему дело придумал!

Королевская косточка

Бывает же такое. Одна девочка вынула косточку из сушёного финика и посадила в горшок с землёй. А косточка вдруг взяла и проросла, и вскоре появилась маленькая Пальма. Совсем маленькая, но гордая.

Рядом с ней на подоконнике росли в горшках Фиалка и Алоэ. Пальма презрительно посматривала на них.

— Ничтожные вы существа, — не стесняясь, говорила она. — Ты, Фиалка, слишком нежная и недолговечная. Отцветёшь, и всё. Опадут листочки, и ищи-свищи!

— Снова зацвету, — обижалась Фиалка.

— Это когда ещё!..

— А я тебе чем не угодило? — топорщило свои тугие колючие отростки Алоэ.

— Да ты вообще, даже на вид, неприятное растение. Колючее — значит, злое. И уж слишком неприхотливое. Тебя хоть десять дней не поливай, ничего с тобой не случится. Нет в тебе ни достоинства, ни гордости!

Девочка очень заботилась о своей Пальме. И землю в горшке рыхлила, и поливала вовремя, и любовалась ею.

— Какая необычная! — восхищалась девочка.
К ней подружки заходили и тоже восторгались:
— Пальма! Ах, ах, ах! Королева!
И Пальма ещё больше возгордилась.

А однажды девочка заболела. Стала гаснуть прямо на глазах. Никакие лекарства не помогали. И тогда дали ей — кто-то посоветовал — попить соку Алоэ. Колючее растение охотно поделилось своей животворной влагой.

А потом и Фиалка помогла. Мама переставила её поближе к девочке. Тонкий нежный запах Фиалки тоже благотворно действовал на неё.

Девочка начала поправляться. А когда совсем выздоровела, опять забыла про своих зелёных друзей. И снова начала восхищаться маленькой Пальмой.

Но Пальма притихла с тех пор. Особенно её мучило, что соседи по подоконнику ни разу не упрекнули её за то, что она не помогла девочке во время болезни.

Пальма наконец поняла, что финики на ней появятся не раньше, чем лет через сто. Чем гордиться-то?

— А всё-таки ты очень красивая, — нежно прошелестела ей как-то Фиалка, не помнящая зла.

— Даже очень! — кивнуло тоже незлопамятное Алоэ. Как-никак медик. А медики обычно справедливы.

Такого благородства с их стороны Пальма не перенесла. Она завяла и съёжилась.

Девочка очень горевала. А новые пальмы из финиковых косточек не желали расти. Возможно, они знали о судьбе своей сестры и не хотели рисковать.

И хотя красота нередко бывает бесполезной, всё-таки надо признать: Пальма была на самом деле красивой.

Было на что посмотреть!

Триключения пули

Бежал как-то заяц по опушке леса. Глядь, прямо на него с пригорка ружейное дуло направлено. Куда ни метнётся заяц, туда и ствол поворачивается. Вот-вот выстрелит!.. Хлопнулся заяц в обморок.

А оказалось — ёж виноват. Лежала ржавая винтовка на бруствере заросшего окопа, а ёж её невольно задевал, шевелил: так увлечённо насекомых ловил. И вскоре доловился. Резко сунул нос в спусковую скобу и нечаянно сдвинул крючок — тут как грохнет выстрел!

Ёж тоже в обморок опрокинулся.

Как только боёк ударил в пистон патрона, медленно и со скрипом поползла Пуля в ржавом стволе. Наконец вылетела она, сонно потягиваясь, из дула.

Сделала Пуля над поляной круг и с любопытством осмотрелась. Пролетела над зайцем, который лежал, погребально сложив передние лапы на груди, но мелко суча задними. Интере-е-сно!..

Загляделась Пуля и врзалась глубоко в дуб. Шумно осыпались жёлуди, похоронив зайца под собой, а напоследок в холмик воткнулся упавший сучок, похожий на крестик.

С треском, одним прыжком, выскочил заяц наружу и понёсся куда глаза глядят. По пути наступил на ежа, заверещал, уколовшись, и прибавил ходу. Ёж, очнувшись, тоже засеменил прочь с необычной резвостью.

Отчаянно дёргаясь, вывинтилась Пуля из дерева. И полетела дальше... Зависла над лужицей и расстроено шмыгнула носом, глядя на своё отражение: её острый, любопытный носик стал некрасивым, сплюснутым.

Увидела Пуля камень неподалёку, несколько раз с налёта чиркнула о него, поточив нос. Вновь посмотрелась в лужу, просияла, довольная, и опять полетела дальше.

Летит, весело посвистывает Пуля, а все звери и птицы, завидев её, в страхе уносятся вдаль: и кабаны, и лисы, и горлицы. Очень ей обидно. Ведь она, Пуля, такая красивая, такая маленькая! Чего боятся?.. Скучно ей одной. Никто не хочет с нею водиться, никто не желает с нею играть. Даже бабочки не принимают её в свой хоровод, разлетаясь кто куда.

И вот, увидев красавца оленя, Пуля погналась за ним. Так захотелось посостязаться наперегонки! Пуля летела то рядом с оленем, задорно подмигивая и отражаясь в его дрожащем глазе, то обгоняла, а то и кружила меж ветвистых рогов.

Вовсю нажимал олень, а Пуля, играя, отставала, вновь нагоняла, опять отставала.

1

2

3

4

В каком направлении должна
полететь пуля, чтобы вернуться
обратно в дуло винтовки?

Внезапно олень как вкопанный остановился над речным обрывом. Пуля, увлѣкшись и не сдержав полѣт, ударила его в бок и прошла насквозь, как в красном тумане.

Упал олень, помутнели его глаза. Пуля в ужасе! Всѣ было так хорошо, так весело, а чем кончилось! Что она наделала!

Стремглав бросилась Пуля к реке, окунулась, прилетела назад, стряхнула капельку на оленя. Бесполезно... Сколько ни носи воду, жизнь не вернёшь. Да и сколько воды может она, Пуля, принести?!

В отчаянии бросилась Пуля в реку. Поблѣскивая, стала тонуть, пошла ко дну.

Но тут сверху устремился к ней чей-то длинный клюв. Это зоркая цапля, стоявшая в воде на одной ноге, схватила сверкнувшую Пулю и проглотила её вместо рыбёшки.

Выпучив глаза, цапля ошалело икнула, ощупывая крыльями живот. И, задрав голову, неистово выплюнула добычу.

Пуля, кувыркаясь, взлетела в небо.

...Она бесцельно кружила, уныло летела над лесом, над знакомой опушкой. И вдруг глаза её налились яростью. Она увидела на краю старого, заросшего окопа ту самую, знакомую винтовку. И спикировала вниз.

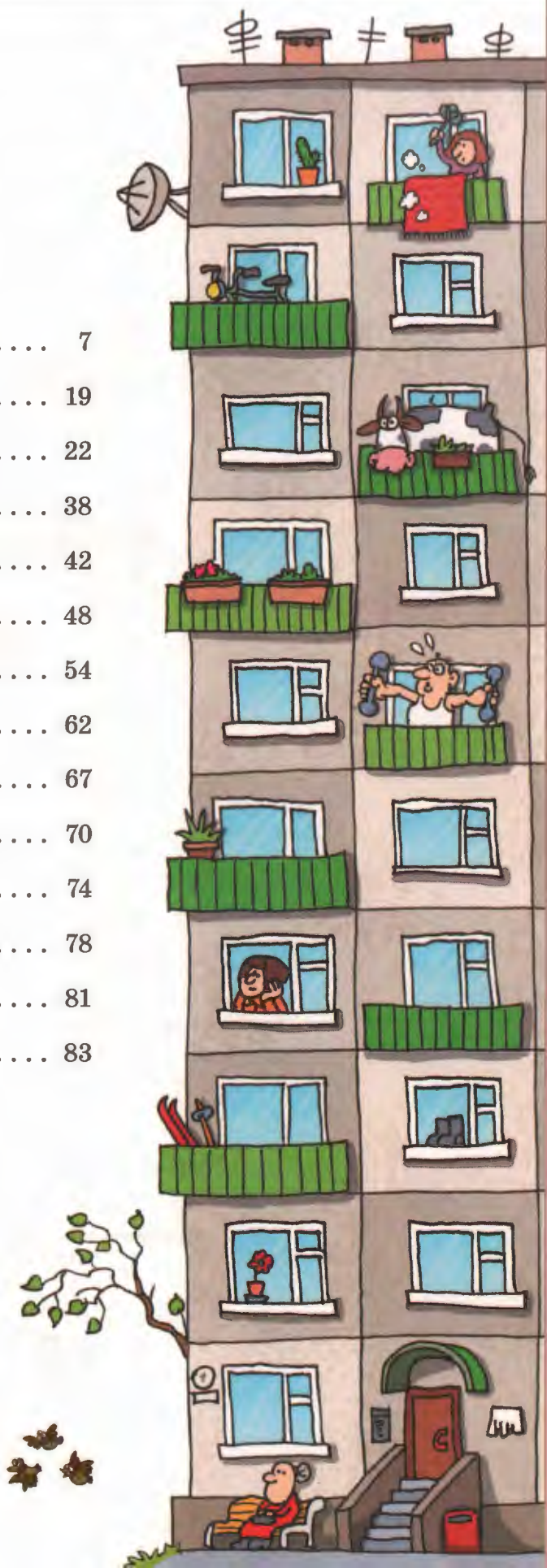
С нарастающим свистом Пуля влетела прямо в дуло. Мгновение — резкий треск! Ружейный ствол расщепился изогнутыми полосками, как мрачный железный цветок.

Пройдёт время, отшумит зима, и, может быть, сквозь этот мёртвый железный цветок прорастёт, пробьётся тихий лесной цветок — настоящий.

Содержание

Сказка десятого этажа	7
Иван-дурачок	19
Старое привидение. Английская сказка	22
Жил-был дом. Сказка для пап	38
Любит, не любит. Сказка для мам	42
Чёрный кайзер. Сказка для дедушек	48
Столик с позолотой	54
Упрямые календари	62
Чудище-страшилище	67
Талант	70
Мудрое окно	74
Гвоздь без шляпки	78
Королевская косточка	81
Приключения пули	83

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
СЕРИЯ «ОЧЕНЬ ПРИКОЛЬНАЯ КНИГА»

Альберт Анатольевич ИВАНОВ

Сказка десятого этажа

Ответственный редактор *Евгения Тихонова*
Художественный редактор *Владимир Ноздрин*
Технический редактор *Елена Антонова*
Корректор *Ольга Смирнова*
Верстка *Елены Антоновой*

Руководитель проекта *Максим Крютченко*

Подписано в печать 11.06.2010. Формат издания 84×108 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 9,24. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1731.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.011281.07.09 от 03.07.09

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

CAOP462601R

Альберт Иванов — замечательный детский писатель.

Мультфильмы по его произведениям входят
в золотой фонд российской кинематографии.

Мальчики и девочки, а также их родители
с удовольствием читают истории про Хому и Суслика,
про Хитрую Ворону и смотрят любимые
мультфильмы: «Приключения Хомы»,
«Раз—горох, два—горох», «Крылья, ноги и хвосты»,
«Сказка десятого этажа».

Настоящий сказочник знает, где живут
интересные и удивительные сказки.
Если хорошенько прислушаться, Сафьяновые
Тапочки расскажут о приключениях
прекрасной принцессы.

А если вежливо попросить Льва в зоопарке,
можно узнать о Великом походе за мороженым.

Ну а самые-самые сказки Альберт Иванов
нашёл на десятом этаже одного
удивительного дома.

